

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ И ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ

**ПОЛОЖЕНИЕ ПОЖИЛЫХ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ДВОРЯНОК В
СЕМЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА
(НА МАТЕРИАЛАХ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Выпускная квалификационная работа
обучающейся по направлению
подготовки 44.04.01 Педагогическое образование
Профиль История
заочной формы обучения, группы 02031354
Герасименко Алисы Николаевны

Научный руководитель:
к.и.н., доцент
Шаповалова С.П.

БЕЛГОРОД, 2017

Содержание

Введение.....	3
Глава I. Социально-экономическое положение провинциального дворянства во второй половине XIX века.....	13
1.1. Влияние реформ Александра II на положение дворянского сословия Курской губернии.....	13
1.2. Отношение к старости как периоду жизненного пути дворянина в Российской империи во второй половине XIX века.....	22
Глава II. Быт и нравы провинциальных дворянок во второй половине XIX века.....	31
2.1. Взаимоотношения в провинциальной дворянской семье и ее иерархия.....	31
2.2. Повседневная жизнь провинциальной дворянки в усадьбе.....	37
2.3. Досуговые занятия провинциальных дворянок пореформенного периода.....	47
Глава III. Психологическое восприятие наступления старости дворянским сословием пореформенного периода.....	55
3.1. Отражение общественных представлений о старости в художественных произведениях российских авторов.....	55
3.2. Критерии «возраста старости» женщины в российской дворянской среде.....	63
3.3. Положение провинциальных дворянок в семье с наступлением старости.....	72
Заключение.....	77
Список источников и литературы.....	80
Приложения.....	89

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. История дворянства Российской империи постоянно привлекала внимание многих исследователей, как отечественных, так и зарубежных. Социально-экономическое и политическое положение поместного дворянства, его роль в политической системе самодержавия, усадебная культура и быт семей являлась предметом значительного научного интереса исследователей.

При этом, мир дворянской усадьбы как особое культурное явление, отражался не только в художественных литературных произведениях, но и в работах, которые писали отечественные историки, архитекторы, искусствоведы, филологи. Авторы данных работ хотели проследить и отобразить жизнь и судьбу семей дворян, особенности их психологии и поведения, занимались отображением человеческого облика дворянства. Многочисленные исследования данного вопроса были в истории психологии, где рассматривалась культурная и бытовая жизнь дворянства.

Рассматривая дворянскую семью второй половины XIX века нужно сказать, что для людей, которые были связаны брачными узами, существовали три правила в виде единой фамилии, проживании под одной крышей и имеющийся социальный статус, что определялся для самой женщины по мужу. То есть, если девушка из более низкого сословия выходила замуж за дворянина, она автоматически становилась дворянкой¹.

Так же необходимо отметить, что жизнь российских дворян второй половины XIX века не была однообразной. В разные годы этого периода быт и повседневность дворян существенно отличалось. Это обусловлено тем, что

---

¹ Беккер С. Миф о русском дворянстве: дворянство и привилегии последнего периода императорской России. / Пер. с англ. Б. Пинскера. – М., 2004. – С. 104.

запущенные Александром II реформы не могли не наложить своего отпечатка на дворянское сословие².

В работе будет рассмотрено положение пожилых женщин-дворянок в семье. При этом следует сказать, что положение женщин-дворянок в семье существенно отличалось от положения мужчин³.

История дворянской жизни имперской России – достаточно исследованная тема. И это можно заметить как в зарубежной, так и в отечественной историографии. Однако, в региональной историографии проблема дворянского быта рассматривается редко. Некоторые ее аспекты прямо или косвенно затрагивались в трудах исторического, этнографического и историко-культурного характера.

В дореволюционный период, как и в советский, специальных работ, посвященных данной проблеме, не было, выходили работы, касающиеся в целом бытовой стороны региона.

Известно, что необходимым условием воссоздания быта «благородного сословия» в провинции является обращение к материалам конкретных регионов. В данной работе будет рассмотрен повседневный уклад жизни дворянства Курской губернии. Особое внимание отводится престарелым дворянкам. Их положение в семье с наступлением старости значительно отличалось от того положения, которое они занимали в молодые годы.

Следует отметить, что в отличие от северных и сибирских территорий империи, располагавшихся на окраинах и отстававших в своем развитии, территория Курской губернии находилась в центральной части страны и по уровню своего социально-экономического развития, этноконфессиональному составу и культурным особенностям населения была типичным регионом

---

²Дворянство в пореформенной России. 1861-1904 гг. – URL: <http://www.histonow.ru/hisnows-227-1.html> (дата обращения 21,04,2017).

³Веретенко В.А. Дворянская прислуга в дворянских семьях России в II половине XIX – начале XX века. / В.А. Веретенко. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, 2013. – № 1. – Т.4. – С. 183.

провинциальной европейской России. Таким образом, можно говорить о том, что результаты исследования возможно применить для оценки социально-экономического и культурного образа дворянства в большинстве губерниях центрального черноземья⁴.

В связи с этим особую актуальность в настоящее время имеет изучение повседневной жизни провинциальной дворянки Центральной России (XVIII - середина XIX в.) как наиболее репрезентативной представительницы женского дворянского сообщества. Провинциалки – «рядовые» обитательницы дворянских усадеб европейского Центра империи, - несмотря на отсутствие в историографии адекватного представления о том, что составляло их повседневную жизнь, привычки, вкусы, предпочтения, мотивации, чем именно они отличались от столичных дворянок, подверглись наибольшей негативизации. Главный упрек в их адрес – необразованность – сегодня не выдерживает критики. Наличие же различий между провинциальными и столичными дворянками не отменяет черт сходства между ними в том, что касается их антропологической сущности. Поэтому целесообразным и эффективным становится исследование женской дворянской повседневности посредством анализа структурообразующей категории возраста. Именно возрастные особенности являлись важнейшим фактором организации и дифференциации повседневной жизни провинциальных дворянок, определяли их поведение и мировосприятие. С осознанием возрастной идентичности соотносились качественно различные антропологические опыты и последовательно сменявшие друг друга этапы жизненного цикла дворянок.

Цель исследования – определить положение в семье женщин-дворянок с наступлением старости.

Достижение указанной цели предполагает решение следующих **задач**:

---

⁴ Иерусалимский Ю. Ю., Леднева Н. К. Современная отечественная литература о российском дворянстве XIX – начала XX в.: региональный аспект. /Ю.Ю. Иерусалимский, Н.К. Леднева. // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки, 2013. – №1. – С. 24.

- рассмотреть влияние реформ императора Александра II на положение дворянского сословия Курской губернии;
- определить взаимоотношения в провинциальной дворянской семье и ее иерархию;
- изучить повседневную жизнь провинциальной дворянки в усадьбе;
- исследовать досуговые занятия провинциальных дворянок пореформенного периода;
- разобрать критерии «возраста старости» женщины в российской дворянской среде;
- проанализировать положение провинциальных дворянок в семье с наступлением старости.

Объект исследования – женщины-дворянки как социальная возрастная группа дворянского сословия второй половины XIX века.

Предмет работы – положение пожилых провинциальных дворянок в семье во второй половине XIX века (на материалах Курской губернии).

Методологическая основа настоящего исследования базируется на принципах историзма и научной объективности, системном и диалектическом подходе к анализу исторических процессов, что позволило изучать исследуемый предмет в динамике, в рамках насыщенной событиями исторической эпохи. В работе использовались историко-сравнительный, историко-психологический методы и метод гендерного анализа. Историко-сравнительный метод позволил выявить общее и особенное в предмете исследования, при помощи историко-психологического метода удалось показать трансформации различных социально-психологических свойств и качеств изучаемого явления. Гендерный метод раскрывает специфические черты жизнедеятельности хозяйки небольшого имения. Все эти подходы и методы позволили проанализировать предмет исследования с различных сторон, с учетом социально-экономических, культурных, социально-психологических и правовых аспектов.

Хронологические рамки исследования: 50-е годы XIX века – начало XX века. Нижняя граница – 50-е годы XIX века – последнее десятилетие существования в русской дворянской среде замкнутого традиционного уклада, не нарушаемого серьезными веяниями извне. Уже следующее десятилетие в Российской империи прошло под знаком либеральных реформ Александра II, оказавших влияние на сознание русского дворянства. Верхняя граница исследования – начало XX века – время масштабных, коренных изменений, затронувших, в том числе социальную сферу российского общества. Указанные хронологические рамки – это период сложного поиска дворянским сословием собственного места в буржуазной модернизации российского общества.

Географические рамки исследования включают в себя территории, которые входили в Курскую губернию (современная Белгородская, Брянская (частично), Курская и Орловская области) – типичные аграрные провинции Российской империи.

Историография. В русской дореволюционной историографии (1800-1917 года) специальный вклад в изучение темы внесли уже в 90-х годах XIX века работы русских историков Н. Д. Чечулина и В. О. Михневич, которые касались «быта и нравов» провинциальных дворян⁵. Н.Д.Чечулин, отмечая, что женщины «вообще мало выступают пред нами в памятниках того времени», подчеркивал сохранение провинциальными дворянками на протяжении всего XVIII в. религиозного благочестия как определяющей черты их повседневной жизни. В.О.Михневич характеризовал помещиц в провинции как «деловитых», «энергических», «деятельных», считал несправедливым представление об их невежественности.

---

⁵ Чечулин Н.Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. – UR: <http://www.runivers.ru/bookreader/book578252/#page/2/mode/1up> (дата обращения 21.04.2017); Михневич В.О. Русская женщина XVIII столетия. Репринт, воспр. изд. 1895 г. М., 1990. С. 214, 221,224. Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. – URL: <http://www.dissercat.com/content/povsednevnyaya-zhizn-provintsiialnoi-dvoryanki-tsentralnoi-rossii#ixzz4i8YWmzxs>(дата обращения 21.04.2017).

Социально-политическая и экономическая трансформация общества продемонстрировала ограниченность и слабость дворянского сословия, тщетность иллюзий относительно своей застрахованности от всяких потрясений и оказалось неспособным отреагировать на исторические изменения.

Большая часть дворянских произведений носила скорее публицистический, нежели исследовательский, характер. Их авторы мечтали о возрождении той роли, которую в социально-экономической и политической жизни общества играло дворянство в дореформенный период и предлагали проекты по упрочению и сохранению всех дворянских привилегий.

В 10-е гг. XX в. особая заслуга в исследовании темы «женщин в провинции XVIII в.» принадлежала Е.Н. Щепкиной, известной феминистке, историку «женской личности в России». В 1914 г. она, в отличие от В.О. Михневича, выступила с утверждением о сплошной безграмотности, дикой первобытности нравов», «бездеятельности» провинциальных дворянок⁶.

Монография А. П. Корелина «Дворянство в пореформенной России» является первым в советской историографии обобщающим исследованием по истории российского дворянства. На основе статистических данных автор изучил состав и численность сословия, его социально-политическое и экономическое положение, а так же деятельность корпоративной организации⁷.

В советской историографии (1917-1985 года) тема повседневной жизни дворян в старости в имперской России оставалась неизученной и даже находящейся под идеологическим запретом. Лишь немногие ученые, например отечественный культуролог Ю. М. Лотман (1922-1993), в 80-е годы

---

⁶ Щепкина Е.Н. Из истории женской личности в России. Тверь, 2004. С. 93, 125.

⁷ Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг. – М., 1979. – С. - 190.

XX века упоминали в своих трудах понятие «провинциальный дворянский быт»⁸.

Крупным обобщающим научным исследованием, рассматривающим социальную структуру российского общества на протяжении XVIII-XX веков, в начале нового этапа историографии дворянства стала монография ленинградского ученого, профессора Б. Н. Миронова. Автор рассматривает эволюцию городских и сельских сословий⁹.

В современной российской историографии специальный вклад в анализ проблематики повседневной жизни и быта провинциального дворянства Курской губернии вносят работы отечественных исследователей В.А. Шаповалова, И.В. Истоминой, И.Т. Шатохина, В.С. Кулабухова, Т.Д. Прониной, Т.В. Ковалевой, М.Г. Мухановой и др¹⁰.

В этих работах проанализирована эволюция дворянских поместий, социальная психология корпоративные организации дворянства в пореформенный период.

---

⁸ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX в.). СПб., 1994, - С. 12; Лотман Ю. М. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI -XX вв.: Исторические очерки. М., 2001. – С. 23,

⁹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX в.). / Б.Н. Миронов. – СПб., 2003. – 439 с.

¹⁰ Шаповалов В.А. Дворянство Центрально-Черноземного региона России в пореформенный период. / В.А. Шаповалов. – Москва-Белгород, 2002. – С. 12; Эволюция сословной структуры общества Центрального Черноземья в пореформенный период (на примере Курской губернии) / Ред. В.А. Шаповалова. – Белгород, 2005. – С.43; Трансформация провинциальной повседневности в условиях модернизационного развития России во второй половине XIX - начале XX вв. : монография / НИУ БелГУ ; отв. ред. В.А. Шаповалов, И.Т. Шатохин ; рец.: В.Н. Фурсов, В.В. Пенской. - Белгород, 2011. – С. 96.; Истомина И.В. Мелкопоместное дворянство Европейской России в 50-90-е гг. XIX века (по материалам центрально-черноземных губерний): монография / И.В. Истомина. – Белгород, 2016. – С. 81-89; Кулабухов В.С. Эволюция минталитета дворянства Черноземного региона в пореформенный период. / Автореф. дис. канд.ист.наук. – М., 1997. – С. 16; Пронина Т.Д. История развития провинциальной культуры Центрального Черноземья на рубеже XIX-XX вв. / Т.Д. Пронина. – Автореф. дис. канд.ист.наук. – Курск, 1999. – С. 8.; Ковалева Т.В. История сельской дворянской усадьбы в губерниях Центрального Черноземья (вторая половина XVIII – начало XX вв.). / Т.В. Ковалева. – Автореф. дис. ... канд.ист.наук. – Курск, 2004. – С. 7; Муханова М.Г. Провинциальное дворянство в городских центрах Курской губернии во второй половине XIX века. / М.Г. Муханова; Курский государственный университет. // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика, 2007. – №4(35). – Вып. 3. – С. 99.

В настоящее время появились работы регионального уровня, в той или иной степени отражающие деятельность отдельных представителей дворянства в городах. В них еще рассматриваются различные стороны дворянского быта, такие как, взаимоотношение с крестьянами, применение новых способов ведения хозяйства после отмены крепостного права, благотворительная деятельность и другое. Например, деятельность представителей дворянства в сфере медицины отражена в книге исследователя М. А. Язвина¹¹.

Так же в центре внимания региональных исследователей находится изучение местного помещичьего землевладения, а так же социально-экономического развития российской провинции, ее городского и сельского населения.

Источниковую базу исследования составляют архивные материалы и источники личного происхождения: дневники, мемуары

Архивные материалы представлены документами, хранящимися в фондах Государственных архивов Белгородской (далее ГАБО), Воронежской (далее ГАВО) и Курской (далее ГАКО) областей.

Эволюция дворянской социальной психологии в пореформенный период отражена в документах канцелярий губернаторов, губернских правлений, уездных предводителей дворянства, губернских дворянских депутатских собраний, хранящихся в фондах областных архивов. Различного рода прошения, жалобы, отчеты, распоряжения свидетельствуют об изменении социальной психологии дворянства. Наибольший интерес вызывают материалы, где прослеживается психологическая характеристика отношений между представителями различных страт дворянства, отражающие и тендерные аспекты¹².

---

¹¹ Язвин М.А. Очерки по истории здравоохранения Курской области: в 3 ч. Ч. 1. / М.А. Язвин. – Воронеж, 1965. – С. 40.

¹² ГАБО. Ф. 148. Оп. 1.Д. 10.; ГАВО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 829а; ГАВО. Ф.29. Оп. 1.Д. 757; ГАВО. Ф. И-64. Директор народных училищ; ГАКО. Ф.1540. Директор народных училищ Курской губернии Харьковского учебного округа; ГАВО. Ф.29. Оп. 1.Д. 757. ГАКО.

Ценную информацию по социальному составу воронежского и курского дворянства представляют материалы первой всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 года, это данные по грамотности в дворянском сословии, по общей численности дворян среди всего населения Курской и Воронежской губерний и т. д.¹³.

К источникам личного происхождения относятся мемуары Головиной В.Н., Дашковой Е.Р., Волконской М.Н.¹⁴

Особый интерес для исследования темы представляют источники личного происхождения: дневники, мемуары, произведения эпистолярного жанра, содержащие информацию о быте провинциального дворянства Центрального Черноземья. К ним относятся, прежде всего, воспоминания С. Н. Терпигорева, Б. Глинского, Ю. Н. Карпинской, Л.Е. Оболенского. В этих источниках нашли отражение различные аспекты «культуры повседневности» усадьбы, менталитета владельцев, их отношения к жизни в провинции, что определяло многие стороны быта усадьбы¹⁵.

Научная новизна исследования заключается в том, что главным предметом рассмотрения дворянской повседневности с наступлением старости выступает семья и взаимоотношения между членами семьи, а так же постоянная смена статусов и ролей. В то же время учитываются изменения, которые происходят в повседневной жизни дворянок, влияние на

Ф.341. Помещики и высшие чиновники Курской губернии; ГАБО. Ф.141. И.В. Старова; ГАБО. Ф.156. И.А. Григорьева.

¹³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897г. - Т. 20. Курская губерния /Под ред. Н. А. Тройницкаго. - Курск, 1904. – С. 46.

¹⁴ Головина В.Н. Мемуары. / В.Н. Головина. – М., 2005. – С. 287; Дашкова Е.Р. Записки 1743-1810. / Е.Р. Дашкова. – Л., 1985. – С. 3-12; Волконская М.Н. Записки М.Н. Волконской / Предисл. М. Сергеева. Примеч. Б.Г. Кокошко. – М., 1977, - С. 15-75.

¹⁵ Терпигорев С.Н. Оскудение. Очерки помещичьего разорения. СПб., – 1881; Глинский Б. Из летописи усадьбы Сергеевки //Исторический вестник. – 1894. – Т.58. – №10. – С.57-85; Карпинская Ю.Н. Из семейной хроники //Исторический вестник. – 1897. – Т.70. – №12. – С.853-870; Марина М.М. Из семейной хроники минувшего века //Исторический вестник. – 1910. – Т.122. – №10. – С.184-206; Оболенский Л.Е. Картинки прошлого. II. //Исторический вестник. – 1906. – Т.106. – №10. – С.105-142;

повседневность государственных реформ, традиций и обычаев конкретного исследуемого периода.

Практическая значимость. Выпускная квалификационная работа может служить источником по истории повседневной жизни провинциального дворянства в Российской империи и Курской губернии в частности. Материалы данной работы могут быть использованы при разработке лекционных курсов по истории повседневности или дворянской культуре и быта, а так же учебных пособий и программ.

Структура работы состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы и приложения.

В первой главе проанализировано влияние реформ Александра II на социально-экономическое положение дворянского сословия Курской губернии. Также рассмотрено отношение дворян к старости - как к периоду жизненного пути дворянина в Российской империи во второй половине XIX века

Во второй главе рассматривается положение пожилой женщины-дворянки в своей семье. Описывается быт и нравы провинциальных дворянок второй половины XIX века.

Третья глава посвящена анализу психологического восприятия наступления старости дворянским сословием XIX века. Так же в ней рассматривается отражение общественных представлений о старости в художественных произведениях российских авторов

ГЛАВА I. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ДВОРЯНСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

1.1. Влияние реформ Александра II на положение дворянского сословия Курской губернии

Россия потерпела жестокое поражение в крымской кампании. Война показала несостоятельность внутреннего строя крепостной страны. Экономика, политика, жизнь народа - все требовало серьезных перемен. Император Александр II начал свое правление с отмены крепостного права. Это был акт огромного исторического значения: феодальная страна превращалась в буржуазную.

До начала реформ Курская губерния была типичной аграрной территорией Российской империи. Указ об образовании Курской губернии, состоящей из 15 уездов, был издан 23 мая (3 июня) 1779 года, а открытие Курского наместничества состоялось 27 декабря 1779 (7 января 1780) года¹⁶.

12 (23) декабря 1796 года указом императора Павла I большинство наместничеств, в том числе и Курское, были упразднены. Срок исполнения нового разделения на губернии был определен до мая 1797 года¹⁷. 31 декабря 1796 (11 января 1797) года было утверждено новое административно-территориальное деление Курской губернии¹⁸. Она состояла из 10 уездов (в 1802 году количество уездов увеличилось до 15 и больше не менялось до образования Курской области в 1934 году). Население губернии в 1860 году составляло 1825772 человек.

---

¹⁶ Именной указ Екатерины II «Об учреждении Курской губернии» от 23 мая 1779 г. ПСЗРИ, т. XX, ст. 14880, стр. 825—826.

¹⁷ Именной указ Павла I «О сроках разбора и сдачи дел присутственных мест, упраздненных по случаю нового образования губерний» от 22 декабря 1796 г. ПСЗРИ, т. XXIV, ст. 17677, стр. 249.

¹⁸ «Именной указ Павла I «Штаты губерний» от 31 декабря 1796 г. ПСЗРИ, т. XXIV, ст. 17702, стр. 259.

Из отчета Курского губернатора Бибикова Н.П. (1808-1880) за 1861 год, можно было увидеть, что потомственных дворян в губернии насчитывалось 12329 человек и 3583 человек дворян личных, 515 – разночинцев, священнослужителей и церковнослужителей с семьями – 20909 человек, монашествующих – 11741, 10385 – военных действительной службы, не считая членов их семей, и 10032 – бессрочноотпускных нижних чинов, отставных нижних чинов – 13191, 286 – почетных граждан, 13767 – купцов, 57946 – мещан, 1026 – ремесленников, 5902 – рабочих. Дворовые люди составляли 98220 чел., государственные крестьяне – 899901, а помещичьи – 616855 чел., фабричные (приписные) крестьяне – 22843 чел.¹⁹.

Крепостное хозяйство губернии накануне реформы переживало глубокий кризис. Население ее в 1861 г. насчитывало 1 миллион 863 тысячи человек, из них 90 процентов - крестьян. Дворяне, составлявшие ничтожную часть населения (0,9%), владели 37224 ревизскими (мужскими) душами крепостных. Среди них выделялись крупнейшие помещики - например, граф Д. Н. Шереметев, князь В. И. Барятинский.

Для крепостных крестьян губернии было характерно крайнее безземелье, почти полное отсутствие лесных и покосных угодий, громадные повинности, которые они несли не только перед помещиками, но и перед государством.

Неудивительно, что их хозяйства разорялись, обезземеливались, росло число дворовых (их в 1861 г. было 51141 - 14 процентов всех крепостных). В этом ярко проявлялся кризис крепостнического строя.

В такой обстановке в губернии началась подготовка реформы. Вопрос о ней обсуждался в местном дворянском комитете, председателем которого стал помещик Щигровского уезда Н. Скарятин. Члены комитета, в основном крупные помещики, выдвигали грабительские условия предстоящей

---

¹⁹ Муханова М.Г. Провинциальное дворянство в городских центрах Курской губернии во второй половине XIX века. / М.Г. Муханова; Курский государственный университет. // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика, Белгород, 2007. – №4(35). – Вып. 3. – С. 98.

реформы, стремясь оставить крестьян если уж и не без земли, то с мизерными наделами (размером в одну десятину на душу). Предлагалось совсем не давать им покосных земель, установить высокие размеры повинностей и выкупа.

Помещики оставили крестьян с нищенскими наделами. Для Курской губернии был установлен наиболее низкий надел из всех губерний нечерноземной, черноземной и степной полос: от 2200 кв. сажен (меньше одной десятины) до 2,75 десятины²⁰.

В результате реформы у курских крестьян было отрезано значительное количество земли, их наделы составили в среднем 2,2 десятины на мужскую душу...

В губернии оказалось 28946 душ крестьян с так называемыми «дарственными» наделами, на которые не отбывались повинности и не платился выкуп. Они составляли четвертую часть высшего надела (примерно 0,7 десятины). Этим крестьянам, сидевшим на «кошачьих» наделах, досталась особенно тяжелая доля. Дворовые отпускались на «волю» совсем без земли²¹.

Но это было еще не все. Помещики, завладев лучшими землями, заставляли крестьян брать песчаные, глинистые, расположенные по оврагам, косогорам, в рытвинах и кустарниках... В частности, крестьянам деревни Мухино Фатежского уезда отводилась такая земля, на которой, по их заявлению, «не только чтобы происходило плодородие хлеба, но даже и травы мало произрастает».

Крестьяне лишались лучших усадебных земель (например, конопляников), покосов, лесов, выгонов, прогонов для скота, водопоев, прудов и копаней для мочки пеньки. Наделы им отводились на слишком большом удалении от дворов, оказывались разбросанными по разным участкам. Помещики получали право переселять не только отдельные

---

²⁰ Из истории Курского края. Сборник документов и материалов. Воронеж, 1965. С – 223.

²¹ Там же. – С. 224

крестьянские дворы, но и целые деревни. Так, помещик Нелидов, владевший деревней Моквой под Курском, переселил здешних крестьян на «сухую новь», а на местах их прежнего жительства развел фруктовый сад²²...

Крепостнический характер реформы выразился также в том, что земельные наделы предоставлялись крестьянам не в собственность, а только лишь в «постоянное пользование». Они обязаны были выполнять повинности перед помещиками и государством до тех пор, пока не выкупят землю. Таких крестьян называли «временнообязанными».

За каждый высший душевой надел семья «временнообязанного» должна была или отбыть барщину (40 мужских и 30 женских рабочих дней в год) или заплатить оброк (в Курской губернии - 9 рублей).

Особенно ярко грабительская сущность «великой реформы» проявилась в том, что крестьянина заставили выкупать свои же собственные земли. Только после этого они становились крестьянами-собственниками и прекращали отбывать повинности.

Устанавливалась громадная выкупная сумма: при определении ее размера годовой оброк умножался на $16 \frac{2}{3}$. Таким образом, курские крестьяне при выкупе должны были уплатить: $9 \times 16 \frac{2}{3} = 150$ рублей. Ясно, что сразу такие деньги они внести не могли. В «Положении о выкупе» была предусмотрена так называемая «выкупная операция»: при выкупе полного надела крестьяне платили помещику 20 процентов, а остальные 80 процентов он получал из казны. Крестьяне же обязаны были уплатить эту ссуду государству в течение 49 лет («выкупные платежи»)²³.

Переход курских крестьян на выкуп совершался архи-медленно: к 1881 г., когда был принят закон об обязательном выкупе, почти половина крестьян губернии (43,7%) все еще находилась во временнообязанном состоянии.

Размеры выкупных платежей между тем росли. В целом по стране к 1905 г., когда они были отменены, крестьяне уплатили свыше полутора

---

²² Из истории Курского края...С. - 228

²³ Пазухин А.Д. Современное состояние России и сословный вопрос.- М., 1886. — С. 48

миллиардов рублей, т. е. в два с половиной раза больше рыночной цены на землю.

Таким оказалось положение крестьян после реформы.

Подобное «освобождение» не могло удовлетворить крестьян, в ответ на грабительскую реформу в губернии началось их мощное движение.

Власти заранее готовились к подавлению выступлений. Для ликвидации «беспорядков» в губернию прибыл флигель-адъютант царя А. С. Корсаков. Губернатор В. И. Ден дал предписание исправникам беспощадно расправляться с восставшими. Дислоцировавшаяся здесь кавалерийская дивизия была приведена в боевую готовность²⁴.

Сразу же после опубликования Положения 19 февраля 1861 г. среди крестьян пошли толки о том, что это - «не настоящая воля», что «настоящая» воля будет дана через два года. Предводители, выделявшиеся по селам, призывали крестьян не выполнять повинностей, заявляя, что вся земля принадлежит им. В селе Ивановском Льговского уезда широкой известностью пользовался Насонов, в Суджанском - «агитатор» Кузовок, который «сбил с толку многие сельские общества»²⁵.

Крайне отрицательное отношение крестьян к «воле» ярко проявилось в повсеместном отказе от подписи уставных грамот. К 1 января 1863 г. свыше 70% курских крестьян отвергли уставные грамоты.

Особенно участились волнения весной 1862 г. В донесении министра внутренних дел Валуева Александру II от 18 мая того же года отмечалось, что в Симбирской, Курской, Подольской, Вятской губерниях были «наиболее важные из этих беспорядков по буйству, оказанному крестьянами, и крайнему их упорству»²⁶.

---

²⁴ Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х-начале 90-х годов XIX в. — Л., 1994. С - 158.

²⁵ Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. — М., 1983. — С. 186.

²⁶ Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева министра внутренних дел. Том I. 1861-1864 гг. — М., 1961. С. — 224.

Помещики Курской губернии, напуганные восстаниями, с тревогой ожидали 19 февраля 1863 г., когда, как думали крестьяне, выйдет «настоящая» царская воля.

Однако в 1863 г. начался резкий спад движения. Стихийные и неорганизованные, крестьянские восстания по всей стране были подавлены...²⁷

Большие недостатки в деле крестьянского освобождения, однако, не могли свести на нет буржуазное содержание реформы. «Это был шаг по пути превращения России в буржуазную монархию... Поскольку крестьянин вырывался из-под власти крепостника, постольку он становился и под власть денег, попадал в условия товарного производства, оказывался в зависимости от нарождавшегося капитала»²⁸. Нововведения тех лет затронули абсолютно все сферы российской жизни.

Освобождение народа от крепостных цепей помогло стране совершить настоящий скачок в своем экономическом развитии, помогло движению по пути прогресса.

Говоря об экономическом развитии Курской губернии после реформы, следует подчеркнуть, что в эпоху капитализма уровень развития отдельных районов страны явно неодинаков. В губернии, в частности, не было построено ни одного крупного завода или фабрики. Преобладали мелкие предприятия, основанные на ручном труде, большинство их относилось к простой кооперации и мануфактуре. Промышленность была связана главным образом с обработкой продуктов сельского хозяйства.

---

²⁷ Курский край в XIX веке. – URL: http://old-kursk.ru/book/kursk_VIII/index.html (дата обращения 12.01.2017).

²⁸ Из истории Курского края... С – 227.

Из «Отчета губернатора за 1879 г.» можно узнать, что здесь насчитывалось 13 сахарных, 35 крупяных и 38 винокуренных заводов. Причем сахарная отрасль являлась ведущей²⁹.

Широкое известие в губернии получили кустарные промыслы. В стране было известно мастерство курских гончаров, сапожников, кожевенников, иконописцев. Кустари, изготавливавшие изделия на продажу, втягивались в орбиту капитализма...³⁰

Почему в капиталистическую эпоху курские крестьяне занялись промыслами? Чаще всего их толкали на это острая нужда, малоземелье и другие остатки крепостничества. Например, земельные наделы жителей села Б. Игумново были так малы, что не обеспечивали им существования, и крестьяне вынуждены были заняться изготовлением саней, колясок и т.п. Наличие леса обеспечило развитие ремесла...

В пореформенные годы широко развернулось железнодорожное строительство. Одной из первых в стране была построена дорога Москва-Курск (1868 г.). К девяностым годам город стал важным железнодорожным центром, где работал крупный отряд пролетариата (свыше 1300 человек).

В 1897 г. здесь открылось трамвайное движение. Владельцами трамвая были иностранцы - бельгийские капиталисты.

О неимоверно тяжелых условиях жизни и труда, о жесточайшей эксплуатации курских рабочих свидетельствуют многие сохранившиеся документы³¹.

Естественно, что постройка железной дороги способствовала оживлению торговли, увеличению перевозок сельхозпродуктов из Курска в центр страны и притоку в наш край сельхозтехники. Однако вывозу хлеба препятствовала конкуренция южных районов. Обилие остатков

---

²⁹ Развитие промышленности Курского края с конца XVII века до 1861 года. ... (Из истории возникновения и развития свеклосахарной промышленности Курского края 1816—1890 гг.). / Под ред. Л.М. Рянского. — Курск, 1991.-С. – 33-34

³⁰ Из истории Курского края... С – 201-202.

³¹ Там же, 1991. С – 230.

крепостничества в сельском хозяйстве задерживало экономическое развитие города.

Известно, что развитие капитализма в помещичьих хозяйствах происходило на основе отработочной и капиталистической систем. Курская губерния относилась к числу губерний с преобладанием отработок. Крупные помещики Терещенко, Ребиндер, Клейнмихель и другие перестраивали свои хозяйства на капиталистический лад, здесь переплетались элементы капиталистической и отработочной системы. Малоземелье, материальная нужда заставляли курских крестьян идти на отработки.

В крае было сильно развито отходничество. Отходничество – один из вариантов экономической деятельности, существовавший в среде крестьянства и распространенный в России XVIII – начала XX веков. Занятие отходными промыслами были широко развито на территории Курской губернии уже с XVIII века. Пик отходничества приходится на 40-е–50-е годы XIX века и пореформенное время. Наличие богатейших помещичьих имений, работавших по старинке, на основе отработочной системы, и бедственное положение крестьянских масс крайне тормозили развитие сельского хозяйства. Происходило оскудение края.

Процесс экономического расслоения русского пореформенного общества коснулся и отходников, среди которых четко выделяются несколько имущественных групп: новая крестьянская торговая буржуазия, это приблизительно 3–5 % из общего числа отходников; новое городское мещанство, занятое в промышленно–фабричном производстве, строительстве и проч. сферах (приблизительно 60–70 %); «наемные рабочие с наделом», те, кто еще не порвал с деревней, продолжал совмещать отходный промысел с обработкой земли (приблизительно 15–20 %).

Изменялась в течение XIX века и структура российского общества. Всесословной политикой размывались границы между разными группами общества. При этом назревал кризис всей сословной системы.

Правительство осознавало проблему оскудения дворянства, пыталось помочь ему сохранить земельную собственность посредством льготного государственного ипотечного кредитования, создавало различного рода комиссии для изучения его положения. Но вызванный модернизацией общества процесс касательно размывания дворянского сословия остановить было уже невозможно.

Таким образом, прогрессивные реформы царствования императора Александра II – освобождение крестьян, земская реформа и т.д. – внесли коренную перемену в российский общественный порядок, и повлекла за собой остальные реформы. Начиная с середины XIX века, дворянство уже не являлось господствующим сословием, как в правительственном управлении, так и в местной жизни.

1.2. Отношение к старости как периоду жизненного пути дворянина в Российской империи во второй половине XIX века

В первую очередь необходимо отметить, что старость в рамках данного исследования стоит рассматривать в качестве категории именно социальной, а не биологической. Подобный взгляд на старость как один из периодов жизни русского дворянина сохранялся и на протяжении XIX века, что было обусловлено как спецификой его жизненных обстоятельств, так и системой в рамках которой он жил. В различных культурах образ старости конструируется в различных аспектах и осмысливается в зависимости от эпохи. Так, на примере Российской империи можно рассмотреть как различались представления о старости в дворянской и крестьянской среде. Данные различия были продиктованы различной социальной реальностью, а не биологическими показателями. В то же время, представления общества о старости во второй половине XIX века также существенным образом отличаются от современных ценностей российского общества.

В среде русских дворян середины и второй половины XIX вв. было не принято проводить точную черту, которая бы разделяла людей пожилого, преклонного возраста и возраста долголетия. Так, традиционно, ориентировочно пожилым человека было принято считать с 60 до 75 лет, преклонный возраст наступал с 75 лет и продолжался до 90 лет. А те, кто жил дольше 90 лет в русском обществе было принято считать долгожителями. Стоит отметить, что продолжительность жизни в Российской империи, особенно в среде дворян, в пореформенное время (после 1861 года) во многом увеличилась из-за достаточно стремительного развития медицины в годы Крымской войны, завершившийся в 1856 году. Техническое развитие медицины позволило говорить о том, что все большее количество людей (в большей части дворян, не обремененных тяжелым физическим трудом) могло доживать до преклонного возраста. В целом, старость пореформенного

периода воспринималась довольно схоже с предыдущими периодами: она оценивалась как завершение человеческого бытия на Земле, а также периодом для подведения человеком эмоциональных итогов прожитой им жизни.

Отдельные историки Российской империи прямо связывали достаточно почтительное отношение к старости в русской культуре с еще языческими временами. Так, М. П. Погодин, представитель официальной русской историографии отмечал, что традиции XIX века ведут в далекую древность. Он писал: «...в языческой Руси «заботиться о стариках, недужных и больных было первейшей обязанностью и общей добродетелью славян»³². Правда, тогда благотворительность (никем не организованная да и не называемая так) носила простейший характер родственной или соседской взаимовыручки и заключалась, главным образом, в кормлении, одевании и приюте наименее защищенных членов своей общины — стариков, одиноких женщин, детей. Путешественники с Запада, посещавшие в те времена земли восточных славян, отмечают в своих записках, что человеколюбие, сострадательность, стремление разделить горе и беду другого были характерны для наших далеких предков задолго до того, как они в 988 году приняли христианство». Картина, приводима М. П. Погодиным определяла отношение к старости одного из членов коллектива как коллективную ответственность по уходу за ним. В рамках рассмотрения образа старости в среде русского дворянства в XIX веке, стоит отметить, что также зачастую не имея возможности находиться на активной государственной или военной службе, дворянин в старости находился на попечении своих родственников – в первую очередь сыновей и вышедших замуж дочерей (в случае, если он уже не мог самостоятельно распоряжаться собственными дворянскими привилегиями).

Образ престарелого дворянина, несомненно, был связан с представлениями о мудрости и накопленном жизненном опыте. Однако,

---

³² Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book9889/484742> (дата обращения: 29.01.2017)

стоит отметить, что в отличие от образа крестьянского старика, в образе дворянина всячески отсутствовала мистическая подоплека данной мудрости. Очень часто в крестьянской культуре образ старости прямо связан с двумя основными аспектами: стариков считали «выжившими из ума», а их статус может быть приравнен к статусу ребенка, не ответственного за свои действия. В то же время, согласно широко распространенным представлениям, именно старики и старухи могли обладать магическими знаниями и навыками. Причем представители дворянства не могли обладать подобными силами: согласно традиционным представлениям в русской культуре, магическая сила довольно тесно связана с природой и землей, а ближе всего к ней был именно крестьянин, а не дворяне, преимущественно, проживающие в городах. В традиционных представлениях, физиологическая и социальная неполноценность человека в пожилом возрасте в крестьянской среде значительным образом компенсировалась их особенной ролью во взаимоотношениях со сверхъестественным.

Важным является тот аспект, что восприятие возраста в различных культурах и эпохах выступает в качестве одного из центральных вопросов в мировоззрении людей. Так, в Российской империи, так же, как и во многих других национальных культурах старость в качестве периода жизни рассматривается как негативный процесс. Это особенно четко прослеживается в процессе сравнения с отношением к периоду взросления. Взрослая жизнь является периодом наивысшего расцвета жизненных сил человека, пика его деятельности, в то время как старость диктует возрастающая слабость его возможностей. Социологи отмечают, что противопоставление категорий «молодость-старость» характерна и для современных российских реалий. Во второй половине XIX века старость в качестве «третьего возраста» не рассматривалась как период для возможного личностного развития или совершенствования.

Большинство исследователей отмечают, что отличительной чертой старости в аристократическом обществе был авторитет человека. Данное качество всегда выделяло это сословие. Современники отмечали, что там, где простой мужик обложит всех «по матушке», настоящий дворянин и бровью не поведет и с одинаковой сдержанностью отреагирует как на хорошие, так и на плохие новости. Его с детства тренировали принимать удары судьбы мужественно, с достоинством, ни в коем случае не падая духом. Жалобы, слезы, лишние сантименты – это за рамками этикета, настоящий дворянин не мог позволить себе малодушия³³.

Особенно необходимо отметить отношение к старости, которое было характерно для женщин из дворянского общества. Так, по свидетельствам, которые сохранились в автодокументальной традиции (таких источниках как письма, мемуары, дневники), можно оценить, что для женщины XIX века, особенно в дворянском обществе, сопряженном с представлениями о себе как о «лучших людях», старость ассоциировалась в первую очередь с угасанием собственной красоты.

В то же время, во многих письмах и мемуарах содержатся свидетельства о том, что для женщины дворянского происхождения старость также являлась периодом относительной свободы действий. Осознание себя после 50-ти женщиной «в годах», тяготящейся любыми проявлениями жизненной мобильности, необходимостью соблюдения социального этикета и поддержания светской коммуникации, противопоставляемой «спокойствию» как идеальному состоянию, не исключает однако и определенного позерства. Стратегия позиционирования дворянкой себя в качестве «уставшей от света» являлась не атрибутом возраста, а способом легитимации своей причастности к известному социальному кругу. Практически не одна дворянка не была уникальна в своих устремлениях:

---

³³ Баринаева Е.П. Российское дворянство в начале XX века: Экономический статус и социокультурный облик. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/2009-01-012-barinova-e-p-rossiyskoe-dvoryanstvo-v-nachale-xx-veka-ekonomicheskij-status-i-sotsiokulturnyy-oblik-m-rosspen-2008-351-s> (дата обращения: 31.01.2017)

практически о том же писала и Н. Философова. Размеренную повседневность двух пожилых сестер, проживавших вместе, - Натальи Философовой и Надежды Ознобишиной - в определенный момент нарушило «оживление», вызванное свадьбой племянника и сына Николая Ознобишина: «...Признаюсь что мы с сестрой отвыкшия от тормашни с нетерпением ожидаем оконьчания праздненств чтоб зажить опять мирной семейной жизнью»³⁴. В последнем случае, когда речь не шла о ведении светского образа жизни, внутренний поиск «спокойствия» и «мира» в большей степени соотносился с возрастными характеристиками личности.

Для дворянок в старости жизнь становилась временем отсутствия активной деятельности. Старость являлась временем, когда женщины занимались воспоминанием прожитых лет. Одна из мемуаристок, в частности, заявляла: «Это воспоминание написано княгинею Елисаветою Григорьевною Хилковою, урожденною княжною Волконскою. На склоне лет, и в тиши деревенская) уединения, изложила она несколько мыслей и чувств, вызванных памятью о высоком нравственном существе (Императрице Марии Феодоровне.-А.Б.), в близи котораго протекли годы ея молодости»³⁵. Таким образом, старость рассматривалась как период подведения итогов, проделанного за жизнь, а также стремления вписать себя и свой жизненный путь в большую картину – историю Отечества.

Разительно отличалась старость столичной и провинциальной дворянки. Так, в исследовательской литературе достаточно обширно рассмотрена проблематика старости дворянки в провинциальных условиях. В провинции престарелая дворянка сталкивалась с определенными трудностями, основными из которых были: разрыв между своими социальными корнями и образом жизни, наличие влиятельного родства, личное знакомство с императрицей психологически шло вразрез с

---

³⁴ ГАТО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 2. Л 149об.

³⁵ Хилкова Е.Г. Воспоминание об императрице Марии Феодоровне . URL: <https://memoirs.ru/texts/Hilkova.htm> (дата обращения 01.02.2017).

повседневной жизнью пожилой провинциальной дворянки, ее хозяйственными заботами, среди которых одно из главных мест занимало удовлетворение гастрономических запросов многочисленной семьи. В то же время, в условиях трансформации системы отношений дворян и крестьян, за пожилой дворянкой закреплялась функция контроля за экономикой дворянского дома. В этом аспекте были реализованы ее личные и статусные амбиции.

Для Надежды Ознобишиной, приятельницы А.В. Кафтыревой, связанной с ней еще и духовным родством, старость ассоциировалась с нереализованностью желаний: «...Как бы мне хотелось прижать вас и несравненную Екатерину Гаврилавну (Племянницу А.В. Кафтыревой. -А.Б.) к моему сердцу и поблагодарить вас за все, но к сожалению разстояние велико, а лета не позволяют думать о возможности свидания, а потому только мысленно переносится к вам и вспоминаешь былое, при чем всегда как то радостно бьется сердце и делаешься моложе и душой и телом, но через несколько минут видишь что это оптической обман после котораш снова принимаешь вид старухи, для которой мечты более не осуществляются и для которой будущего уже нет, вот почему несравненной друг мой я не надеюсь вас обнять»³⁶.

Особенно интересны внутренние метаморфозы автора письма от старости к более молодому возрасту и обратно под влиянием воспоминаний, причем «омоложение» мыслилось ею не только как изменение настроения и душевного настроя, но и как «обретение» прежней телесности. Устранение иллюзии, или, как выразилась Ознобишина, «оптического обмана», возвращало ее к адекватному восприятию своего нынешнего визуального и эмоционального облика, который обесценивался в ее сознании жизненной бесперспективностью и конечностью переживаемого возраста. А главное, - невозможностью реализовать мечты.

---

³⁶ ГАТО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 2. Л. 147.

Женское восприятие старости было сопряжено со страхом угасания жизни, запечатленного в визуальных антропологических признаках старения. Канадский историк и писатель русского дворянского происхождения М. Игнатъев, восстанавливая историю своих предков, приводил слова из мемуаров прабабушки, графини Наталии Николаевны Игнатъевой, урожденной княжны Мещерской (1877-1944): «Спустя много лет Наташа писала: «<...> Теперь, когда я сама стала старой, мне кажется, что старости я боялась с детских лет, что старые люди всегда производили на меня тягостное впечатление. Кажется, это так грустно, отмечать перемены, происходящие с близкими и дорогими людьми. И даже теперь, когда я сама состарилась, я чувствую, что никогда не смогу преодолеть чувство благоговейного трепета и ужаса перед старостью». Наташе было шестьдесят пять, когда, мысленно возвращаясь в то далекое время и вспоминая, как на глазах осиротевшей дочери ее мать сгибалась под бременем обрушившегося на нее горя, она писала эти строки»³⁷.

Вероятно, поэтому, в женской автодокументальной традиции «старость» не оставалась незамеченной, становясь элементом личностной характеристики индивидов как женского, так и мужского пола. Даже у мемуаристок, представительниц придворного круга, в описании постоянно фигурируют «старики», «общество, состоящее из большею частью стариков», «старые придворные», «старый камергер», «старые дамы», «старая графиня», «старый граф», «старая женщина», «старуха», «старая свекровь»³⁸. При этом если применительно к мужчинам термины «старости» в ряде случаев могли иметь положительную, уважительную окраску («почтенный старик», «почтенный и уважаемый старик», «старик веселый и заслуживающий уважения»), то в отношении женщин они почти всегда носили уничижительный характер («старая баба», «старая кокетка»,

---

³⁷ Игнатъев М. Русский альбом: Семейная хроника. СПб., 1996. С. 32–33.

³⁸ Головина В.Н. указ. соч. С. - 25, 51, 123, 150, 151, 275, 284, 321.

«упрямая старуха»)³⁹. Уподобление мужчины «старой бабе» служило одним из элементов его подчеркнуто негативной характеристики: «Граф Михаил Румянцев был светским человеком, очень ограниченным, самолюбивым и сплетником худшего сорта, вроде старой бабы»⁴⁰. Графиня В.Н. Головина среди встреченных ею в жизни персоналий вспоминала приведшую ее «в изумление» герцогиню- «старую кокетку шестидесяти лет», «шестидесятилетнюю старуху, у которой с одной стороны рука и нога чрезмерно распухли, другая же сторона вся высохла», «старую женщину, невысокого роста, полную, с ногами такими же толстыми, как туловище, с трудом передвигающуюся для себя, но деятельную и проворную для блага других»⁴¹. Из этого видно, что женщина в возрасте 60-ти лет безапелляционно считалась «старой» или «старухой», ее личностная характеристика практически исчерпывалась возрастными изменениями телесности, стремление же к поддержанию внешней привлекательности за такой женщиной не признавалось и осуждалось.

Типаж «старости» достаточно характерен для общественного сознания. Как в современном российском обществе, так и во второй половине XIX века, старость как период жизни человека рассматривалась как закат его пути, период подведения итогов проделанного.

После отмены крепостного права в 1861 году, старость дворянина была прямо обусловлена его материальным положением. Стоит отметить, что вторая половина XIX века была отмечена процессом потери дворянством своего ведущего положения в обществе. Это было обусловлено отчасти и стремительным развитием капитализма в Российской империи. После 1861 года дворяне смогли сохранить примерно половину своих земель, а за вторую получили достаточно внушительную материальную компенсацию.

---

³⁹ Головина В.Н. указ. соч. С. - 171, 292, 350.

⁴⁰ Там же. С. 292, 294, 310.

⁴¹ Там же. С. 292, 294, 310.

Престарелые дворяне могли рассчитывать на данные средства и наемный труд в процессе обеспечения для себя комфортных условий в старости.

Для русской литературы дворянство в качестве одного из героев является достаточно типичным явлением. Вторая половина XIX века не стала исключением – однако, существенным изменением стала концентрация авторов на рассмотрении новой социальной реальности – свободных крестьян и дворянство, которое искало свой путь реализации. Образ престарелого дворянина довольно часто служил для описания нового социального строя.

ГЛАВА II. БЫТ И НРАВЫ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ДВОРЯНОК ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

2.1. Взаимоотношения в провинциальной дворянской семье и ее иерархия

Семья – в социальном смысле понимается как союз лиц, что основан на браке, родстве, принятии детей на воспитание в семью. Так же она характеризуется общностью жизни, интересов и взаимной заботой. При этом она важнейшую роль в развитии человека и общества.

Благодаря семье осуществляется продолжение рода и смена поколений, происходит первичная социализация и воспитание детей, а так же реализуется обязанность заботиться про старых нетрудоспособных членов общества. Это еще способ организации быта и повседневной жизни.

Понятие «семья» для XIX века было очень объемным, т.к. могло включало в себя родственников по кровному или свойскому родству. Очень часто членами семьи считались и домочадцы, т.е. люди, которые проживают под одной крышей. Няня и учителя, с какими у семьи были хорошие отношения, также могли входить в состав семьи.

Под «семьей» понималась и общность жития. Дети называли семьей военное училище, пансион, учебное заведение для воспитанников было единой семьей. Для XIX века характерно сопоставление семьи и общества, если на Западе она противопоставлялась обществу, то в России семья являлась его неотъемлемой частью.

Основа семьи – это брачный союз мужчины и женщины, санкционированный и регулируемый обществом, определяющий их права и обязанности по отношению друг к другу и к своим детям. Однако это не

только союз двух людей, но и взаимоотношения между супругами, родителями и детьми, поколениями и родственниками⁴².

Повседневная жизнь семьи есть совокупность взаимоотношений между ее членами, традиции и нормы поведения. Для второй половины XIX века характерно сохранение традиционной (патриархальной) семьи, где мужчина являлся главой семьи и хозяином всего имущества, а женщина занималась ведением домашнего хозяйства, рожала и воспитывала детей, независимо от сословной принадлежности.

Основной формой заключения брака в Российской империи сохранялся церковный брак в форме обряда венчания. Сохранялась традиция получения благословения родителей на брак, которая со временем приобрела форму ритуала и не являлась обязательным условием, поэтому к концу рассматриваемого периода все чаще венчание осуществлялось втайне от родителей или без их согласия. Теперь же все больше учитывались желания те, кто вступал в брак.

Отношения в дворянской семье между родителями и их детьми складывались довольно не просто. В воспоминаниях дворян рассматриваемого периода, как правило, родители упоминают только о первенцах или о любимом ребенке, о дочерях пишут сравнительно мало чем о других детях, так как считалось, что от девочек нет никакого толка.

Если перед родителями вставал вопрос о спасении ребенка, то родители предпочитали сохранить жизнь своему сыну, а не дочери. Таким образом, ребенок занимал в семье приниженное положение и его потребности учитывались в последнюю очередь. Занимая такое положение в семье, ребенок был предметом исключительной заботы и опеки лишь в исключительных случаях.

Воспитание своих детей некоторые семейные пары предпочитали поручать старшим родственникам: бабушкам и дедушкам, дядям или вовсе

---

⁴² Овсянников Ю.М. Картины русского быта: Стили, нравы, этикет. / Ю.М. Овсянников. – М., 2000. – С. 86.

нянькам, в результате чего отношения родителей с их детьми не имели эмоциональной близости⁴³.

Умение себя вести в свете являлось очень важной частью жизни дворян. Идеальный образ светского человека на протяжении всего XIX века оставался неизменным: это образованный дворянин, прекрасно изъясняющийся на французском, модно одевающийся, ловко танцующий, играющий в карты, разбирающийся в разговорах.

Семейные связи среди дворян во второй половине XIX века оставались крепкими. Родители имели влияние на своих детей и после того как их дети составляли свои собственные семьи. Родителей по большей части любили, боялись и в то же время почитали.

Любовь к родителям была скорее проявлением правил хорошего тона, чем выражением чувств. Возможной причиной таких отношений в семье могло служить раздельное проживание детей и родителей. Как правило, детям доставалась самая дальняя комната в доме либо вовсе отдельная постройка.

Об участие дворянской семьи в жизни света можно говорить тогда, когда в общественных отношениях было задействовано все семейство в полном или частичном составе. Пример такого участия – широко распространенная практика нанесения визитов и приема гостей.

Так, М.С. Николева писала в воспоминаниях: «К концу лета вернулись мы к себе в Покровское, куда съехались много знакомых и некоторые родственники... Их поместили с другими гостями в большой садовой беседке на берегу довольно глубокой сажалки для карасей, через которую был перекинут на арке мостик, выкрашенный розовой краской и освещавшийся двумя фонарями...

Плодов всякого сорта было всегда в изобилии. Яблоки, груши, сливы... длились во всю зиму, не смотря на то, что не более двух дней в неделю у нас

---

⁴³ Парфирьев Д.С. Дворянство в России. – URL: http://w.histrf.ru/articles/article/show/dvorianstvo_v_rossii (дата обращения 18.02.2017).

не садились гости за обед. В семейные праздники приезжих лошадей бывало до семидесяти»⁴⁴.

Во второй половине XIX века домашнее образование получило широкое распространение в семьях провинциального дворянства и отражало благосостояние и культурный уровень родителей. Дворянам вполне хватало средств и возможностей для обеспечения своим детям всех условий для получения хорошего воспитания и образования.

Отсюда выделяется повседневная часть, светской семейной жизни – нанесение визитов, либо прием визитеров у себя. Как правило, визиты могли наноситься замужней женщиной вместе с детьми, либо она принимала гостей у себя.

Дворяне, жившие за городом, могли приглашать к себе гостей на длительный срок. Например, в загородных усадьбах проходили постоянные увеселения, охота и балы. Святой обязанностью хозяев было развлечение своих гостей⁴⁵.

Домашнее образование позволяло молодым дворянам без особого труда поступать в различные военные и учебные заведения, т.к. за время обучения они осваивали по несколько языков, разбирались в новомодных философских течениях и узнавали, как себя вести в любых ситуациях. Несмотря на нововведения, в жизни и быту провинциальной дворянской семьи оставалось много старых ценностей.

Так, как и прежде, забота о будущем дворянина начиналась еще до его рождения. Мать ребенка ограждали от светской суеты, от волнений, она много отдыхала, гуляла по саду имения, читала и занималась рукоделием, а все ее мысли должны были быть только о ребенке.

Рождение и воспитание детей являлось основным долгом молодой девушки. Отец выбирал для ребенка род занятий, записывал его на военную

---

⁴⁴ Николева М.С. Воспоминания Марии Сергеевны Николевой. / М.С. Николаева. // Русский архив, 1893. – Кн. 3. Вып. 10. – С. 151.

⁴⁵ Дворянская семья в светском обществе. – URL: <http://lady.webnice.ru/blogs/?v=11171> (дата обращения 18.02.2017)

службу в солдаты, чтобы ко времени его взросления молодой дворянин имел военное звание. Воспитание девочек полностью ложилось на плечи матери, нянек и гувернанток. С малолетнего возраста родители начинали заниматься воспитанием и образованием ребенка⁴⁶.

Существовавшая иерархия дворянской семьи выражалась, в первую очередь, в том, что каждый из ее членов занимал особое служение. Главное лицо в данной иерархии – это отец, глава семейства. Его положение состояло таким значительным, что в сравнении сам император как уподоблялся отцу Отечества.

Дворянин-муж отвечал за представительство семьи в обществе и общества в семье. В случае его смерти глава семьи – это уже его вдова-дворянка. Если же отец из-за своего физического состояния не способен был справляться с обязанностями главы семьи, то все реальные дела дворянской семьи вел дела другой человек, а отец только символизировал единство семьи в глазах всего общества⁴⁷.

Статус мужчины-дворянина в дворянской семье во второй половине XIX века определялся таким образом:

- главой семьи в старости не просто возглавлялась иерархия, его служение семьи оставалось качественно отличным от положения других членов семьи, он был как бы полубогом. Поэтому он держался с другими членами семьи недоступно, в определенном отдалении.

Такую эмоциональную дистанцию подкрепляли физически: пожилой дворянин имел отдельное помещение и ограниченное общение. Например, собственное распоряжение и прощение он передавал обычно через третье лицо (муж мог прощать жену через друга, отец сына – через свою жену).

---

⁴⁶ Русские провинциальные усадьбы XVIII – начала XX века. / Сост. Р.В.Андреева, Л.Ф.Попова. – Воронеж, 2001. – С. 128.

⁴⁷ Шатохина С.Б. Женщины в общественной жизни российской провинции на рубеже XIX-XX веков (по материалам Курской губернии). / С.Б. Шатохина. // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика, 2008. – № 5 (45). – Том 3. – С. 93.

Таким образом, этого позволяло прощать, не умаляя власти главы. После еды всеми членами выносилась благодарность главе семьи. Если глава семьи в старости нарушал свой долг, что он должен был выполнить, его нельзя было за это покарать. В этом, как и во многих других областях русской жизни, обязанности человека, который имел власть, не имели соответствия в правах его. Смерть была последней ступенью в обретении мужчиной полновесного статуса и независимости, статуса дворянина, главы своей семьи и слуги общества.

Изучая данный вопрос, можно прийти к выводу, что дворянское воспитание – это не педагогическая система, не особая методика и не свод каких-либо правил. Это образ жизни, стиль поведения, одежды. Это усваивалось сознательно, а отчасти и бессознательно, путем привычек и подражания. Это традиции, что даже не обсуждают, а четко соблюдают⁴⁸.

Таким образом, провинциальная дворянская усадьба второй половины XIX века была прекрасным местом для воспитания и образования достойных дворян, блестящих представителей «золотой молодежи». Новые западные веяния повлияли в основном на такие стороны жизни провинциального дворянства как изменения в обустройстве усадьбы, стиля одежды, манер общения, поведения, в то время как вечные семейные ценности, домашние обряды, праздники, менталитет сохранили древнерусские традиции.

---

⁴⁸ Баринаева Е.П. Дворянство России второй половины XIX – начала XX века: современная историография. / Е.П. Баринаева. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 16, 2014. – №3(2). – С. 550.

2.2. Повседневная жизнь провинциальной дворянки в усадьбе

Российское дворянство традиционно делили на столичное и провинциальное. В основе такого деления находилось место жительства и имущественное положение.

Но следует сказать, что основная масса дворян была средней и бедной и поэтому проживала в провинции. Провинциальное дворянство также можно разделить на несколько групп.

Первая – это наиболее привилегированное провинциальное дворянство, то есть московские и служилые люди, приближенные к императорской семье, которое получало богатые поместья в разных местах империи. Вторая и основная группа дворян – это служилые люди, главные обязанности которых – исполнение воли императора, несение военной или административной службы. Из этой части дворянства позднее и сформировалось мелкопоместное и среднепоместное дворянство.

Русская усадьба – это уникальный по своим общественным функциям центр экономической, политической и культурной жизни ряда поколений соотечественников. В состав каждого усадебного комплекса входит как историко-культурный, так и природный компонент, имеющий достаточно сложную структуру. Ее элементами выступают регулярные и пейзажные парки, сады и цветники⁴⁹.

При этом нужно сказать, что повседневная жизнь провинциального дворянства имела существенные отличия от столичной. Большую часть времени столичные дворяне проводили в усадьбе, что была для них скорее местом для отдыха или зимовки, в то время как для провинциалов она являлась родовым гнездом и постоянным местом жительства.

Повседневный быт оказывает огромное влияние на другие области социальной жизни и, прежде всего на труд, настроение и поведение людей. В

---

⁴⁹ Зуев М.Н. История России. / М. Н. Зуев. – М., 2008. – С. 20.

целом, повседневность – представляет собой тот фундамент, на котором строится все остальное. В сферу быта, как жизненного уклада попадает множество составляющих: совокупность привычек, нравов, обычаев, а также проведение досуга, зависящего в свою очередь от образа жизни, как конкретного индивида, так и отдельных сословий, групп, классов и т.д.

Таким образом, усадьба – это совокупность строений (жилого дома, надворных построек) и примыкающих угодий (огорода и т.п.), что представляют отдельное хозяйство (преимущественно в сельской местности). Традиционно усадьба была местом проживания, где рождалось и воспитывалось не одно поколение, позже усадьба стала еще и источником доходов дворян-помещиков. В основном дворяне проживали в своих усадьбах с ранней весны и практически до зимы.

В основном дворянские усадьбы располагались в центральных и западных губерниях в больших и маленьких селах или даже в деревнях. Все усадьбы делились на аристократические, царские, усадьбы крупного, мелкого и среднего дворянства⁵⁰.

Дворянские усадьбы различались богатством и размером, назначением и планировкой, внешним и внутренним обликом. Как правило, у средне и мелкопоместного дворянства усадьбы были приспособлены для спокойной и удобной жизни, скромны в оформлении.

Многие дворяне создавали на территории своих усадеб искусственные каналы и пруды, фонтаны. Все чаще появляются регулярные сады, которые являлись продолжением дома. Сад и оранжерея были настоящим достоинством каждого хозяина, поэтому осмотр усадебных владений начинался именно с них.

В садах богатых дворян можно было найти мраморные скульптуры человеческих фигур. У менее состоятельных дворян заменой скульптуры служили деревья и кустарники, имеющие специально сделанные причудливые

---

⁵⁰ Демина Г.В. Мир дворянской усадьбы как зеркало жизни общества. / Г.В. Демина. // Вестник Московского университета Серия 8. История, 1996. – №6. – С. 13

формы зверей. В садах появляются беседки и павильоны для отдыха и принятия гостей.

К середине XIX века большее внимания владельцы усадеб уделяют естественному пейзажу и всячески подчеркивают его красоту. В дворянской усадьбе переплетались различные виды искусств: архитектура, скульптура, театр, паркостроение, живопись и музыка.

Рекреационные возможности русских усадеб ценились еще в XIX веке. Представители дворянского сословия с помощью лучших русских и зарубежных архитекторов, устроителей парков, садовников создавали идеальные условия для повседневной жизни, творческой деятельности и полноценного отдыха. Русская усадьба была не только притягательна красотой своих архитектурных сооружений и тенистых парков и проявлением заботы о гостях.

Хозяева отличались хлебосольством и гостеприимством. Во многих имениях были «дома для гостей» – не что иное, как малые гостиницы, процветал культ русской кухни, здесь были идеальные условия для занятий спортом, охотой. Словом, если изучать отечественные традиции отдыха, спорта, рекреации, гостиничного и ресторанного хозяйства, то искать их надо в истории русской дворянской усадьбы⁵¹.

В середине века в домах зажиточных дворян все чаще стали появляться библиотеки, в которых содержались тысячи самых разнообразных книг. Первоначально библиотеку составляли различные журналы о ведении хозяйства, а в конце века появляются переводные романы.

В домах образованных людей хранились печатные и рукописные книги, в том числе и иностранных авторов. Среди них можно встретить любовные романы, письма, официальные документы и государственные акты. В богатых дворянских семьях появляются женские библиотеки. Женщины стали не просто грамотными, но и читательницами.

---

⁵¹ Горбунов К.Е., Сивопляс И.Э. Симбирские гражданские губернаторы: Материалы к историко-биографическим очеркам. – Ульяновск, 2003. – С. 89.

«Провинциальный» часто понимается как отсталый или простой, а жизнь в провинции считается скучной и неинтересной. Разница между столицей и провинцией резко проявляется в образе жизни, одежде, манерах поведения, речи. Жизнь в провинции протекала неторопливо и монотонно.

Основную часть повседневной жизни дворян в усадьбе составляли непримечательные будни и простые радости – еда, питье, прогулки. День начинался с завтрака. «За завтраком обычно на стол ставили самовар и пили чай, гораздо реже – кофе. Байховый чай предпочитали цветочному. Разливала обычно его хозяйка дома. Если это был завтрак в обычный день, то подавали бутерброды с ветчиной (слово «бутерброд» появилось в России только в начале XIX века).

На столе были также яйца всмятку, горячий картофель. К чаю подавали варенье, сливки, печенье, кренделя. А если на завтрак приглашали гостей, то лакеи несли холодные закуски, кулебяку, жаркое, водку».

В обычные дни пользовались оловянной посудой, по праздникам серебряной или фарфоровой. После обеда хозяева ложились спать, дворовые спали прямо на улице, если кто-то не хотел отдыхать, то отправлялся в парк на прогулку или почитать книгу.

Если в доме не устраивался праздник, то ужина могло и не быть, ограничивались чаепитием. Вечерами играли в карты, слушали сплетни или вели светские беседы. Женщины вышивали на пяльцах или занимались плетением кружев⁵².

Будни сменялись праздниками в честь гостей. В деревнях на праздники приглашали соседей и крестьян. Столы ставили во дворах, а дворянские дети и хозяева дома сами приносили гостям угощения. Завтраки, обеды и ужины в праздничные дни проводили за столом.

---

⁵² Жизнь русского дворянства в 19 веке: повседневность и праздник. – URL: http://www.liveinternet.ru/users/aramill_stells/post385817954 (дата обращения: 25.02.2017)

Спать гостям приходилось порой на земле, так как в доме не хватало места, если жилых комнат было не много. Все это свидетельствовало о единении дворянского и крестьянского миров, культур.

В состоятельных семьях у дворян имелась многочисленная прислуга. По воскресеньям и праздникам в дом съезжались гости и устраивались праздничные обеды не меньше чем на тридцать персон. Традиционно во всех именитых домах столицы, реже в провинции, устраивались балы.

В простые дни всегда подавали два горячих (щи, уха), два холодных блюда, четыре соуса, пирожные, а в званые обеды угощений и блюд было в два раза больше. Посуда была скромной из олова, чаши, миски, блюда. Серебряные или столовые сервизы появляются в домах провинциального дворянства к концу столетия. Необходимые продукты питания – овощи, молоко, хлеб, мясо и мед производили в собственных имениях, некоторые продукты покупали у своих соседей. В летнее время из мясных продуктов на столе у дворян присутствовала дичь или домашняя птица. В некоторых семьях в садовых прудах выращивали рыбу.

Безусловно, все дворянские дома были приспособлены для приема гостей, что и в будние дни, и в праздники, было явлением довольно частым, так как составляло одну из основополагающих сторон светской жизни.

Еще важную составную дворянской жизни составлял так называемый семейный этикет – особые предписания как вести себя в семье и от лица семьи на различных светских мероприятиях и дома. Одно из самых главных правил семейного этикета, гласило: «В семье, как и в обществе нужен такт и умение держать себя»⁵³. Также, для благовоспитанных мужчин и женщин было обязательным наличие хороших манер, так как это демонстрировало их нравственную утонченность.

Все беды человека происходят по вине неумения себя держать. Ведь в семье, как и в обществе, в поведении необходимо соблюдать такт и уметь себя

---

⁵³ Жизнь в свете, дома и при дворе. Правила этикета, предназначенные для высших слоев российского общества конца XIX века. Изд.5 – М., 2007 – С. 87.

подать. Качества эти приобретаются воспитанием. Но недостаток воспитания, делает человека легкомысленным, а это недопустимо.

Семья должна строго следовать предписанным этикетом канонам. Например, для первого выезда в свет молодой девушки, считалось правильным, если она войдет в бальную залу под руку с отцом (при наличии) или другим старшим родственником. Именно у него, кавалеры, желающие пригласить девушку на танец, обязаны спросить разрешение.

Последующие визиты и выходы в свет, девушка уже может делать со своей матерью (или старшей родственницей), но ни в коем случае одна. Как правило, светскую жизнь девушка начинала вести с шестнадцати лет. А вот у юноши право посетить светский бал и делать визиты, появлялось лишь с поступлением на службу, но он имел право приходить без⁵⁴.

Девушка-невеста, по этикету, должна была уметь угождать желаниям семьи своего будущего супруга, а та семья, в свою очередь имеет полное право перевоспитать будущую невестку по своему усмотрению. Став женой, девушка обязана самостоятельно следить за домашним хозяйством, а еще ни в коем случае, не обижать родных и друзей супруга, а наоборот, приложить все усилия, что б им понравится.

Визиты молодая супруга может делать только с супругом или свекровью, но никак ни с матерью или другими родственницами. При отъезде супруга, жена переселяется к его родным и лучше, если воздерживается от светской жизни, до его возвращения.

Интересно, что супруг по этикету, имеет полное право влиять на светские отношения супруги и корректировать ее дружеские связи по своему усмотрению.

Так же семейный этикет регламентировал отношения членов семьи между собой. Целый список правил, начинался с канона о том, что каков бы не был возраст и общественное положение детей в семье, родители их, не смотря

---

⁵⁴ Демина Г.В. Мир дворянской усадьбы как зеркало жизни общества. / Г.В. Демина. // Вестник Московского университета Серия 8. История, 1996. – №6. – С. 14.

ни на какие недостатки, всегда и во всем должны занимать первое и лучшее место.

В семье необходима не только взаимная любовь, но и уважение, и с родными следует держать себя так же вежливо и сдержанно, как и с посторонними. Брать лучшие куски с блюда, занимать лучшее место у огня или лампы, когда тут же присутствуют старики - есть признак весьма дурного воспитания.

Характер подобных правил, весьма патриархален и во второй половине XIX века часто не соблюдался. На этот счет в сборнике по этикету, есть замечание: «Несоблюдение всех этих правил происходит часто от чрезмерного баловства родителей, всегдашней уступчивостью и снисхождением, делающих своих детей сухими эгоистами, думающими только о своих удобствах»⁵⁵.

В отношениях членов семьи между собой, этикет требует соблюдения иерархии. К примеру, братья и сестры обязательно должны быть вежливы и предупредительны один к другому, причем старший сын всегда пользуется некоторым превосходством и имеет власть над младшими детьми. Дети должны выходить из экипажа первыми, но пропускать родителей вперед, при входе. Девушка всегда должна идти впереди родителей, так как те обязаны за ней наблюдать. В театре и других подобных местах, мать и дочь садятся впереди, а отец с сыновьями позади них. Отец или мать обязаны сопровождать дочь, но она имеет право ехать с родителями не во всем места.

Также этикет предписывал, детям относиться к родителям почтительно и сдержанно, а родителям к детям строго, но не без нежности и ласки. Супружеская пара не должна была выражать своих чувств на публике, однако дома, супруг должен был оказывать жене всяческую заботу.

Девушка, потерявшая мать раньше своего совершеннолетия не могла оставаться хозяйкой в доме отца. Она должна была быть отдана в учебное

---

⁵⁵ Дворянская семья в светском обществе. – URL: <http://lady.webnice.ru/blogs/?v=11171> (дата обращения: 28.02.2017)

заведение или же под опеку пожилой и благочестивой родственницы. Семейный этикет затрагивал обычаи и важные события в жизни дворян.

Жизнь провинциальных дворянок имела много общего с крестьянской жизнью и по большей части была ориентирована на семью и детей. Многие провинциальные дворянки были помещицами либо занимались управлением дома и хозяйством, в то время как муж находился на военной службе.

Каждый обычный день начинался с утреннего туалета и завтрака. После завтрака у детей были занятия с учителем или гувернанткой, а женщины в это время занимались хозяйственными делами. Крестьянскими и дворовыми людьми, домашними делами могли заведовать и незамужние дочери, в случае наследования вотчины. Утренние дела завершались таким же ранним обедом, после которого по распорядку дня следовал дневной сон, купание и ужин⁵⁶.

Развлечения провинциального дворянства также резко отличались от столичного. Бал как основной способ досуга и неотъемлемая часть быта дворян был характерен больше для столицы, чем для провинции. Главными танцами тогда были менуэт, потом стали танцевать кадрили.

Танцевали только молодые девицы, замужние женщины очень редко, вдовы – никогда. Вдовы практически не ездили на балы и все время одевались в черное, а если им приходилось ехать на свадьбу, то поверх черного платья нашивали золотую сетку.

Для детей устраивали отдельные детские балы. Всех дворянских детей с детства учили танцевать и даже в небогатых дворянских семьях в праздники дома могли устраиваться небольшие балы для гостей. Излюбленным способом отдыха у богатых дворян был театр, в котором играли как крестьяне, так и сами члены дворянской семьи.

Даже в маленькой усадьбе существовал свой хор песенников, небольшой оркестр, по праздникам показывали спектакли, в которых участвовали

---

⁵⁶ Авилова Н.Л. Провинциальная дворянская усадьба как уникальное явление российской истории и культуры. / Н.Л. Авилова. // Известия государственного технического университета, 2005. – № 1. – С.127.

крестьяне, дворянские дети и даже сами хозяева дома. В основном праздники в усадьбе проходили на открытом воздухе. В парке ставили качели и карусели.

Однако главным местом развлечения был «зеленый» театр – театр под открытым небом. В очень богатых усадьбах по праздникам устраивали фейерверки. Еще одним развлечением провинциальных дворян были бани. Они находились на безопасном расстоянии от дома, чтобы не случилось пожара.

Основной формой проведения досуга провинциальных дворянок были разговоры за обедами при приеме гостей. Женщины беседовали о домашних делах, сплетничали о деталях их частной жизни. Еще одним развлечением дворян в провинции была игра в карты⁵⁷.

Таким образом, во 2 половине XIX века меняется повседневная жизнь провинциальных дворян в усадьбе. Усадьба среднепоместного дворянства к концу столетия стала походить на усадьбы состоятельных дворян.

При этом формируется мнение, что вся жизнь дворянского семейства, так или иначе причастного к свету, строилась по принципу постоянных визитов, посещения светских мероприятий, где они стремились продемонстрировать свой достаток, свои достижения и, конечно же, безупречные манеры.

Семья, как средство прославления рода и фамилии, являлась объектом гордости для ее членов, в особенности для старшего поколения. Идеальная жизнь в представлении дворян, по сути, строилась на одном лишь желании показать себя лучше других. Как благородное сословие, в светской жизни, из всех качеств, они ставили на пьедестал гордость.

Со временем увеличивалось число жилых комнат и их назначение (отдельные спальни, кабинет, столовая и гостиная, детская, уборная), украшение фасада дома становилось все сдержаннее. В таких усадьбах помещики жили подолгу и неохотно меняли провинциальную размеренную

---

⁵⁷ Кром М.М. Повседневность как предмет исторического исследования. / М.М. Кромм. // История повседневности: Сборник научных работ. – СПб., 2003. – С. 12.

жизнь на столичную суету. Усадьба играла очень важную роль в жизни дворянина.

2.3. Досуговые занятия провинциальных дворянок пореформенного периода

В середине XIX века Курская губерния представляла собой типичный образец русской провинции. В связи с тем, что местная экономика имела исключительно аграрный характер, практически все города исследуемого региона принадлежали к типу малых и средних, в культуре которых обнаруживалось заметное влияние сельской, деревенской субкультуры.

Со второй половины XIX века, в либерально настроенных дворянских кругах стало возрастать число людей, посвящавших свой досуг общественной работе, направленной на развитие народного образования. Их силами создавались бесплатные школы для бедных, организовывались народные чтения в парках и садах. Они входили в состав членов общественных объединений типа «комитеты и общества грамотности», «общества попечения о народном образовании» и т.п.

В пореформенный период началось падение силы и могущества российского дворянства. Стали размываться рамки сословия, помещичьи хозяйства все чаще попадали в полосу кризисов. Эти процессы значительно изменили и коллективные формы дворянского досуга.

Типичные для дворянства досуговые объединения – дворянское Благородное собрание, Английские клубы – стали терять свой сословный характер. Поддержание в них былого блеска и великолепия требовало немалых материальных затрат. С целью изыскания дополнительных финансовых средств был расширен в них доступ представителей других сословий, имеющих крупные денежные доходы⁵⁸.

Среднее и мелкое дворянство в своем досуговом общении оказывалось нередко более демократичным, допуская в свою среду и богатых купцов, и

---

⁵⁸ Лаврентьева Е.В. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. / Е.В. Лаврентьева. // Этикет. – М., 2005. – С. 149.

почетных граждан, и представителей разночинной интеллигенции, обладающих соответствующим образованием и представляющих определенный интерес для членов дворянских объединений.

К концу XIX века женщины накопили определенный опыт и сформировали традиции своего участия в общественной жизни российской провинции. Подъем общественно-политической активности различных слоев населения, проявившийся с началом царствования Николая II, сопровождался вовлечением в этот процесс женщин, как правило, из семей дворянства и чиновничества.

Участие женщин в дворянской либеральной фронде практически не прослеживается. Даже если женщины и разделяли либеральные взгляды своих мужей, братьев, сыновей, они не могли участвовать в этом движении на равных с мужчинами по устоявшейся дворянской корпоративной традиции, закреплённой в нормативных документах и закрывавшей дворянские институты самоуправления для прямого участия женщин.

К важнейшим компонентам провинциальной культурной жизни дворянок относятся библиотеки, число читателей которых постоянно увеличивалось. Это связано, прежде всего, с повышением количества грамотного населения провинциальных городов, а также ростом интеллектуальных запросов учащихся и интеллигенции.

Как показали материалы исследования, библиотеки активно занимались культурно-массовой и художественной деятельностью, устраивали различные мероприятия для населения. Наиболее благополучными в губернии считались библиотеки Белгорода, Фатежа, а также Стрелецкая, Семеновская и Пушкинская библиотеки г. Курска⁵⁹.

Наряду с общественными формами большим разнообразием так же стали отличаться виды индивидуальных досуговых занятий дворян. В середине XIX век четко обозначалась тенденция к интеллектуализации дворянского

---

⁵⁹ Русская усадьба и ее судьбы. «Круглый стол». / И.М. Пушкарева. //Отечественная история, 2002. – №5. – С.140.

досуга. Знакомство с западноевропейской культурой и бытом ускорило «воспитание чувств» в дворянском сословии.

Как отмечено, в дворянских домах стали собираться библиотеки, дворяне зачитывались переводными романами и сами спешили испробовать перо в новых для них жанрах литературного творчества. «Домашние» образцы поэзии и прозы составляли содержание литературных альбомов, очень распространенных в дворянских домах того времени. Альбомы пополнялись сочинениями гостей, знакомых, родственников. Домашние формы литературного творчества по существу и создали основу для возникновения кружкового и салонного общения.

В круг чтения дворян постепенно входили газеты и журналы. Следует заметить, что возрастанию количества книг, развитию периодической печати способствовало создание в России в соответствии с императорским указом 1783 года вольных типографий. Это в значительной степени расширило возможности для увеличения печатной продукции и послужило объективной причиной возрастания интереса образованных дворян к чтению.

И высшая аристократия, среднее и мелкое дворянство, проживающее в городах и провинции, отмечало народные праздники, связанные с важными церковными датами. Дворяне участвовали в различных публичных увеселениях, гуляньях, игрищах. Но в середине XIX века дворяне всячески стремились «отгородиться» от «простолюдин». Представители высших аристократических кругов ограничивались, как правило, ролью наблюдателя на подобных праздниках⁶⁰.

Провинциальные дворяне, особенно получавшие невысокие доходы от личных хозяйств, хотя и были ближе в своем досуге к народной традиции, тем не менее также старались не смешиваться с «простолюдинами». Используя во время праздников чисто народные формы развлечений (например, качели, катальные горки, катки и т.п.), представители этого слоя дворянства

---

⁶⁰ Досуг аристократии. – URL: <http://tainipeterburga19.rolka.su/viewtopic.php> (дата обращения: 01.03.2017).

организовывали их в своих имениях, куда не допускались люди из низших сословий.

При этом было известно два вида досуга – публичный и частный. К первому из них относят массовые формы и практики (праздники, гуляния и пр.), а также публичные досуговые пространства (музеи, библиотеки, театры, клубы, рестораны и пр.). Частный досуг локализовался в индивидуальных формах и практиках, реализуемых в повседневной жизни человека (чтение, музицирование, визиты и пр.)

Одну из важнейших форм досуга населения провинциальных городов составляла праздничная культура. Это общенациональные и местные; «великие» и «скромные»; строго обязательные и «полупраздники»; государственные и церковные: календарные, семейные и т.д.

«Женщины-дворянки в Российской империи не могли сами участвовать в делах дворянских собраний, избирать или быть избранными на должности в дворянских сословных корпорациях. Однако они не были вовсе лишены избирательных прав: при условии обладания недвижимым имением, размеры или стоимость которого соответствовала имущественному цензу, предусмотренного для осуществления прямого активного избирательного права, дворянка могла делегировать избирательные полномочия своему мужу, сыну или зятю, но лишь в том случае, когда они сами потомственные дворяне и были занесены в родословную книгу губернии»⁶¹.

Возможно, что такое ограничение прав дворянок в корпоративной среде было еще одним фактором, выталкивавшим образованных социально-активных женщин в те политические группы, в которых женщины рассматривались товарищами по совместной борьбе. Поэтому в радикальных подпольных группах и партиях рассматриваемого периода женщины иногда играли ключевые роли.

---

⁶¹ Терещенко А.А. Социально-экономическое развитие провинциального города Центрального Черноземья во второй половине XIX– начале XX века. – Курск, 2003. – С. 90.

Однако основным, массовым проявлением активности женщин в общественной жизни было отнюдь не участие их в деятельности радикальных политических групп, а работа в всевозможных легальных общественных структурах, деятельность которых носила благотворительный и просветительский характер, а также была направлена на удовлетворение культурных запросов и организацию досуга местного общества

В жизни образованных людей российской провинции в рассматриваемый период большую роль играла музыка, в том числе музицирование. Уметь играть на каком-либо музыкальном инструменте, владеть вокалом было большим достоинством, поэтому родители стремились обучить этому своих детей. А владение музыкальным инструментом и навыками пения для девушек из дворянских семей было собой разумеющимся.

Наиболее талантливые из них в конце XIX века все настойчивее добивались продолжения музыкального образования. Однако далеко не во всех губернских городах это было возможно. В этом отношении Курску повезло: с 1881 года до конца столетия здесь жил и работал известный музыкант, композитор Аркадий Максимович Абаза. Через его Музыкальные классы прошли многие сотни талантливых курских юношей и девушек⁶².

Большое значение для жителей города, а еще большее для воспитанников А.М. Абазы имели ежегодные отчетные концерты, видное место в которых занимали девушки. Театром бредили многие девушки, но вот взять в руки кисть и написать портрет, пейзаж или натюрморт девушки и женщины долго не решались. Тем не менее, в начале XX века среди курских художников – любителей появляются и женщины, которые уже не ограничиваются творчеством для себя и близких, а решаются на публичную демонстрацию своих полотен.

---

⁶² Шатохина С.Б. Женщины в общественной жизни российской провинции на рубеже XIX-XX веков (по материалам Курской губернии). / С.Б. Шатохина. // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика, 2008. – № 5 (45). – Том 3. – С. 94.

Традиционные досуговые формы восходили к празднику (в самых разных модификациях), ярмарочным гуляниям и пр. Эти формы досуга были в первую очередь востребованы горожанами, в недалеком прошлом выходцами из деревень. Именно они привносили в городскую жизнь видоизмененный фольклор. К народным праздникам и гуляниям добавилась такая «экзотическая» форма досуга как встреча парохода и пароходные прогулки.

Досуг дворянства, а позже и городской интеллигенции постепенно заполнялся умственной и эстетической деятельностью, являясь активной формой ассимиляции европейской культуры. Возрастающая коммерциализация досуга повлекла за собой появление новых (например, кинематограф) и трансформацию старых форм досуговой культуры⁶³.

К числу самых распространенных развлекательных досуговых форм относятся балы, танцевальные вечера, маскарады. Особенностью провинциальных балов являлось отсутствие излишней регламентации и чопорности, свойственной балам столичным. Кроме особого бального церемониала, сложился и бальный этикет, который включал культуру оформления помещений, особую манеру поведения, специальный бальный наряд и умение танцевать.

Кроме «взрослых» балов, общественные клубы и собрания, попечительские советы гимназий и реальных училищ, благотворительные общества периодически устраивали детские балы и танцевальные вечера. Нами также показана трансформация бальной культуры российской провинции, переживаемая ею в исследуемый период: на смену дворянским, корпоративным закрытым и частным балам пришли публичные благотворительные или коммерческие балы, маскарады, танцевальные вечера, чаще всего устраиваемые различными общественными организациями.

---

⁶³ Титова А.Л. Сословная и профессиональная структура городского населения курской губернии в конце XIX – начале XX века. А.Л. Титова. // Серия История. Политология. Экономика. Информатика, 2013. – № 1 (144). Выпуск 25. – С. 111.

Проведение подобного рода увеселительных мероприятий декларировалось в общих положениях уставов любого легального общества.

Разновидностями бальной культуры в провинциальном досуге являлись танцевальные вечера и маскарады (костюмированный бал), которые проводились в осенние или зимние сезоны, приурочиваясь к святочным, новогодним праздникам, Масленице. До 1870-1880-х гг. публичные маскарады имели право давать только потомственные аристократы, в связи с чем маскарадные балы, носившие замкнутый сословный характер, давались несколько раз в год в Дворянском собрании Курска⁶⁴.

Позже балы и публичные маскарады стали организовываться общественными организациями и частными лицами, как в коммерческих, так и в благотворительных целях. Нами проанализированы типы маскарадов, имевшие место в исследуемом регионе: тематические (например, ситцевый бал, состоявшийся в январе 1891 года в Курске), где заранее обговаривалась тематика костюмов, а также свободные в выборе костюмов. Устроители маскарадов поощряли публику к созданию собственных оригинальных костюмов, поэтому, рекламируя свое мероприятие, обязательно обозначали призы за самые самобытные костюмы.

К развлекательным формам досуга можно отнести многочисленные торжественные вечера, объединявшие торжественный обед или ужин и танцевальную программу. Так, в мае 1897 г. в Курске состоялся танцевальный вечер фельдфебелей 123 пехотного Козловского полка⁶⁵.

Немаловажное место в досуговой культуре провинциального города занимали совместные клубные обеды или торжественные обеды по случаю. Они выполняли несколько функций: гастрономическая – вкушение пищи;

---

⁶⁴ Травина А.С. Судьба культурных ценностей усадьбы Марьино. А.С. Травина. // События и люди в документах Курских архивов. – Курск, 2002. – С.45.

⁶⁵ Шевнина О.Е. Провинциальное дворянство как объект государственно-правового регулирования (вторая половина XIX века). / О.Е. Шевнина. // Вестник Пензенского государственного университета, 2013. – № 1 – С. 42.

коммуникативная – активное общение участников обеда; эстетическая и гедонистическая функции – красивая сервировка стола, подача блюд.

Примером служит традиция клубных обедов, введенная практически с момента основания в Курском общественном клубе. Оркестры, хоры сопровождали практически все торжественные обеды. Особенно популярными в Курской губернии были цыганские хоры⁶⁶.

Таким образом, формирование досуговой культуры в российской провинции протекало в контексте общероссийских процессов. К концу XIX века сформировалось собственное самосознание провинции, а также культурный мир, самобытно-региональный и в то же время связанный с общероссийскими культурными тенденциями. Особенно активно эти процессы протекали в провинциальных городах.

Аграрный характер городов Курской губернии позволял сохранять традиционную праздничную культуру, которая ярко проявлялась в праздновании Масленицы, Троицы, Святков, Рождества, имевших языческую подоснову. Новые формы досуга появились сначала в губернском Курске в первой половине XIX века, во второй половине столетия они активно распространялись в уездных городах, где формировалась система культурно-просветительных и досуговых учреждений.

---

⁶⁶ Эволюция сословной структуры общества Центрального Черноземья в пореформенный период (на примере Курской губернии) / Под ред. В.А. Шаповалова. – Белгород, 2005. – С. 176.

ГЛАВА III. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ НАСТУПЛЕНИЯ СТАРОСТИ ПРОВИНЦИАЛЬНЫМИ ДВОРЯНКАМИ

3.1. Отражение общественных представлений о старости в художественных произведениях российских авторов

Образ старости в дворянском сословии достаточно распространен в русской литературе. Однако, стоит отметить, что границы старости воспринимались разными авторами в различной интерпретации. Можно привести и ряд литературных примеров: Л.Н. Толстой в произведении «Анна Каренина», описываются события уже 70-х гг. XIX в., 34-летний Стива Облонский характеризует свою жену, «бывшую только годом моложе его», так: «истощенная, состарившаяся, уже некрасивая женщина» (что немудрено, так как Долли Облонская в свои тридцать три года была уже «мать пяти живых и двух умерших детей»). В другом месте брата Левина, Сергея Ивановича Кознышева, убеждают в том, что в нынешнее время «только в России люди в пятьдесят лет считают себя стариками», в то время как во Франции пятидесятилетний мужчина считает себя «в расцвете лет», а сорокалетний – «молодым человеком», – и т.д.⁶⁷.

Одним из наиболее ярких образов старости среди дворян в русской литературе второй половины XIX века является образ князя Утятин из произведения Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», изданной в 1866-1870 гг.⁶⁸ Работа над поэмой, а также ее издание сопровождалось цензурными гонениями, впрочем, так и большая часть литературной деятельности писателя. Поэма повествует о пореформенной Российской империи, в которой Н. А. Некрасов рассуждает о последствиях отмены крепостного права и положении различных слоев общества в государстве. Сюжет поэмы сконцентрирован вокруг путешествия семерых мужиков,

---

⁶⁷ Толстой Л.Н. Анна Каренина / Л.Н. Толстой. – М., 2016. С. – 5.

⁶⁸ Некрасов Н. А. Кому на Руси жить хорошо / Н.А. Некрасов. – М., 1982. С. – 124.

которые стремятся найти ну Руси счастливого человека. Из задуманных семи или восьми частей поэмы, Н. А. Некрасов успел написать лишь четыре. Так, одна из них под названием «Последыш» повествует о престарелом князе Утятине, который на старости лет не знает о том, что крепостное право было отменено. Поэтому его родственники нанимают главных героев делать вид крепостных перед старым князем, чтобы не разубеждать престарелого Утятина⁶⁹.

У Н. А. Некрасова князь Уятин предстает в образе всего помещичьего класса. Старость в данной поэме олицетворяет «потухший» рассудок и нежелание мириться с новой реальностью. Цензура видела в данном образе аллюзии на конфликте в русском обществе после реформы 1861 года, когда часть дворянства считала отмену крепостного права несправедливой. Более того, в лице князя Утятина были представлены наиболее позорные и жестокие практики крепостного режима.

Н. А. Некрасов намеренно подчеркивает не только физическую дряблость старика Утятина, но и его моральное оскудение. Уятин не просто немощный старик – он является дегенеративным примером пороков и несправедливости. Старость, именно старость порядков, нашедшая олицетворение в лице князя Утятина, доведена Н. А. Некрасовым до гротеска. Престарелый князь все еще живет в мире феодализма, его семья создает для него фальшивое крепостное право, а он использует свою власть и всячески куражится над простыми крестьянами. Анекдотические его приказы (о женитьбе старухи-вдовы на шестилетнем мальчугане, о наказании владельца "непочтительной" собаки, залаявшей на барина) призваны продемонстрировать крайнюю степень самодурства власти, а также утвердить весьма реальные сведения о том, насколько самодурство нелепо в русских реалиях и каким злом оно было в условиях существования крепостного права. Рабовладельческая психология наложила отпечаток даже

---

⁶⁹ Некрасов Н. А. указ. соч. С. – 126-128.

на внешность этого человека, сделала ее немного дьявольской: «Один здоровый - светится, А левый - мутный, пасмурный, Как оловянный грош». Утятин стал олицетворением не только немощной старости, но и тех изменений, которые связаны с помутнением рассудка. Физическая слабость его сочетается с моральной черствостью, неспособной видеть в другом человеке личность, а не рабочую силу. Родственники Уятина говорят о том, что если их «родитель» узнает о том, что крепостного права больше нет, то умрет в ту же минуту.

Таким образом, можно говорить о том, что Н. А. Некрасов изобразил старость не только как физическую и моральную слабость, но и как аллегория на устарелость общественного сознания. Князь Утятин является примером нежелания части общества мириться с новой социальной реальностью. «Старость» у Н. А. Некрасова является не физической, ни социальной, а именно метафорической категорией, которая используется в целях демонстрации российского общества. Кроме того, не стоит отбрасывать и факты реального существования дворян, которые не признавали за крестьянами права на независимость от «владельца».

Образ старости в дворянской среде описана также и в произведении И.С. Тургенева «Отцы и дети», которое было опубликовано в 1862 году. В этом романе сюжет сконцентрирован на демонстрации конфликта поколений, суть которого заключается в противостоянии «старости» которая является олицетворением старых представлений и закостенелости и «молодости», которая олицетворяется с бунтом⁷⁰.

Русская литература всегда выверяла устойчивость и прочность общества семьей и семейными отношениями. Начиная роман с изображения семейного конфликта между отцом и сыном Кирсановыми, Тургенев идет дальше, к столкновениям общественного, политического характера. Но семейная тема в романе сохраняется и придает его конфликту особую

---

⁷⁰ Тургенев И.С. Отцы и дети / И.С. Тургенев. – М., 2008. - 286 с.

глубину. Ведь никакие социальные, политические, государственные формы человеческого общежития не поглощают нравственного содержания семейного начала. Напротив, семейное начало оказывается зерном и первоосновой всех сложных форм общественности. Не случайно страну, в которой мы живем, мы называем родиной-матерью или отечеством. Отношения отцовско-сыновние не замыкаются только на кровном родстве, а распространяются далее на "сыновнее" отношение к прошлому, настоящему и будущему отечества, к тем историческим и нравственным ценностям, которые наследуют дети. «Отцовство» в широком смысле слова тоже предполагает любовь старшего поколения к идущей на смену молодежи, терпимость и мудрость, разумный совет и снисхождение. Мир так устроен, что "молодость" и "старость" в нем взаимно уравнивают друг друга: старость сдерживает порывы неопытной юности, молодость преодолевает чрезмерную осторожность и консерватизм стариков, подталкивает жизнь вперед. Такова идеальная гармония бытия и в представлении Тургенева. В ней присутствует, конечно, "снятый", преодоленный драматизм конфликта между отцами и детьми. Кроме того, в романе описан образ старого дворянина, который живет в плену своих представлений. Своеобразной крепостью, в которой старый дворянин прячется от внешнего мира, является кабинет. Символической кажется находящаяся в нём пепельница в форме «мужицкого лаптя». Крестьянская жизнь и крепостнический труд для аристократа стоят столько, сколько пепел после выкуренной сигареты.

Помимо этого, в романе «Отцы и дети» автором описаны различные сценарии старости дворянина. Так, он отмечает: «Николай Петрович потерял жену, Павел Петрович потерял свои воспоминания; после смерти княгини он старался не думать о ней. Но у Николая оставалось чувство правильно проведенной жизни, сын вырос на его глазах; Павел, напротив, одинокий холостяк, вступал в то смутное, сумеречное время, время сожалений,

похожих на надежды, надежд, похожих на сожаления, когда молодость прошла, а старость ещё не настала»⁷¹.

Образ старости присутствует и в другом произведении И.С. Тургенева – «Степной король Лир», изданном в 1870 году. Произведение развивается вокруг разговора знакомых. Шестеро немолодых образованных друзей собралось в доме университетского товарища. Они говорили о Шекспире и о его героях, которые встречаются среди людей. Хозяин рассказал о короле Лир. Поведал рассказчик о своем детстве в деревне, где у матери – помещицы было имение. Самым близким соседом был бескорыстный сильный исполин Мартын Петрович Харлов, не ведавший страха. 25 лет назад он спас мать рассказчика Наталью Николаевну, удержав карету над пропастью. Он гордился своим дворянским происхождением и считал, что обязан быть благородным. Этот немолодой дворянин как-то почувствовал со здоровьем плохо и сон приснился нехороший. Решил разделить имение между дочерьми. При совершении формального акта присутствовали рассказчик, Бычков и жених Евлампии Житков. Себе не оставил ничего, считал, что поить и кормить дочери обязаны отца, да и жили они всегда в трепете и покорности. Был уверен барин в своей власти и важности. Однако, он был предан своими детьми.

Таким образом, в этом произведении Тургенева старость выступает как олицетворение слабости перед молодостью, растущей бесправностью. Подобная оценка преклонного возраста прямо не соотносится с общественными представлениями о необходимости уважения к старым людям, а также заботе о них. Кроме того, Тургенев отвергал убеждение о том, что старость дворянина может быть исключительно обеспеченной в материальном плане.

А.П. Чехов писал о старости так: «Ложились спать молча; и старики, потревоженные рассказами, взволнованные, думали о том, как хороша

---

⁷¹ Тургенев И.С. указ. соч. - С. 36.

молодость, после которой, какая бы она ни была, остается в воспоминаниях одно только живое, радостное, трогательное, и как страшна, холодна эта смерть, которая не за горами, — лучше о ней и не думать! Лампочка потухла. И потемки, и два окошка, резко освещенные луной, и тишина, и скрип колыбели напоминали почему-то только о том, что жизнь уже прошла, что не вернешь ее никак...» В этих строках отражены представления о старости как о периоде угасания жизни, а также подведения итогов сделанного за прошедшие годы – достаточно традиционные для данного периода в Российской империи⁷².

Образ несчастной дворянской старости также существует и в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина. Так, в романе «Господа Головлевы», изданном в 1880 году, олицетворением старости является образ Арины Петровны, одной из главных героинь произведения⁷³. Арина Петровна Головлёва — женщина лет шестидесяти (в начале романа), помещица, единовластно управляющая большим имением. Имеет мужа — человека «легкомысленного и пьяненького» — и четверых детей. В противовес личности жены, ее муж Владимир Михайлович Головлёв человек достаточно резкий и неответственный. Называет жену «ведьмой» и «чёртом». Живёт праздно, занимается сочинением «вольных стихов». В образе семейной четы Головлевых М.Е. Салтыков-Щедрин отразил несколько возможных путей старости дворянина: это либо беззаботные развлечения на старости лет, либо управление усадьбой и посвящение себе служению семье – новым поколениям. После смерти дочери в присутствии людей Арина Петровна заявляла: «У бога милостей много, – говорила она при этом, – сиротки хлеба не бог знает что съедят, а мне на старости лет – утешение! Одну дочку бог взял – двух дал!».

---

⁷²Чехов А.П. Мужики. Интернет-библиотека Алексея Комарова . URL: <http://ilibrary.ru/text/1160/p.6/index.html>. (дата обращения: 22.04.2017).

⁷³ Салтыков-Щедрин М.Е. Господа Головлевы. Интернет-библиотека Алексея Комарова . URL: <http://ilibrary.ru/text/2173/p.1/index.html>. (дата обращения: 22.04.2017).

В романе описывает ситуация, в которой спустя десять лет после начала романа, некогда властная и самоуверенная Арина Петровна превратилась в приживалку в доме младшего сына. Муж её умер; имение барыня разделила, оставив Порфирию лучшую часть, а Павлу — ту, что похуже. Павел Владимирович, приняв у себя в Дубровине мать вместе с сиротами-племянницами, поставил условие: на его половину не ходить, в хозяйственные дела (которыми заправляла ключница Улита) не вмешиваться. Сам же Павел из-за склонности к выпивке скоро занемог. Узнав, что дни брата сочтены, в Дубровино немедленно выехал Порфирий Владимирович с сыновьями. Во время последнего разговора с Иудушкой умирающий Павел напомнил, что брат пустил мать по миру, назвал его кровопийцей и прогнал. Потом она умерла.

Арина Петровна живёт как будто для семьи. Однако её заботы о близких — видимость; все устремления фактической главы семейства сосредоточены вокруг «фантастической погони за «благоприобретением». В конце жизни Арина Петровна сама приходит к пониманию, что «служила призракам» — нет у неё ни семьи, ради которой она «одних казнила, других награждала», ни собственности. При этом она, по утверждению Дмитрия Быкова, выглядит в романе едва ли не единственным здравым человеком.

Старость в данном произведении вновь является образом периода жизни человека, когда принято подводить итоги и размышлять о содеянном на протяжении жизни. М.Е. Салтыков-Щедрин описывает ситуацию когда дворянка самостоятельно на протяжении всей жизни посвящала себя служению своей семье и обустройству их быта, а на старости лет столкнулась с непониманием и ненужностью.

Таким образом, можно говорить о том, что в литературе пореформенной России образ старости был достаточно распространен и концентрировался преимущественно на темах одиночества и подведения итогов. В то же время, образ старого дворянина использовался писателями

для актуализации социальных проблем и конфликтов общества: старый дворянин часто оказывался метафорой для нежелания части общества принимать как свершившейся социальную действительность факт отмены крепостного права.

3.2. Критерии «возраста старости» женщины в российской дворянской среде

В восприятии российских дворянок середины-конца XIX века старость как возраст жизни, помимо полноты самоощущения и исполненности индивидуального проекта («лета», «век»), – это нисходящая фаза жизненного цикла («склон лет»). Объективное возрастание с годами, как в любом традиционном обществе, социальных потенций и амбиций субъективно снижалось осознанием собственной физической беспомощности, асоциальности, психологического бессилия в осуществлении желаний.

Старость – это один из самых парадоксальных и противоречивых периодов жизни, связанный с тем, что «последние вопросы бытия» встают перед человеком во весь рост, требуя разрешения неразрешимого – совместить возможности старого человека в понимании мира и его жизненный опыт с физической немощью и невозможностью активно воплотить в жизнь все понимаемое.

Будучи временем эмоционального подведения итогов, возраст старости предполагал компенсацию событийной разреженности настоящего ретроспективным обращением к насыщенному опытами и переживаниями прошлому. При этом повседневность пожилых провинциалок отличалась большой хозяйственной занятостью и интенсивностью распорядительной деятельности, вплоть до деспотизма, по отношению к многочисленным домочадцам обоего пола⁷⁴.

В российской дворянской начала – конца XIX века не принято было различать пожилой (условно, с 60 до 75 лет) возраст, преклонный (с 75 до 90 лет) возраст и возраст долголетия (90 лет и выше). Старость как «возраст жизни» воспринималась достойным сожаления завершением земного бытия

---

⁷⁴ Шатохина С.Б. Женщины в общественной жизни российской провинции на рубеже XIX-XX веков (по материалам Курской губернии). – С. 95.

и, вместе с тем, временем подведения эмоциональных итогов пережитого, неуклонного приближения к смерти⁷⁵.

Постоянное ожидание предела жизни побуждало многих женщин, обретших к этому возрасту имущественную самостоятельность, к осознанному и своевременному распоряжению своим материальным достоянием, что служило одной из важных стратегий самовыражения. Получив, иногда только к концу жизни, свободу принятия решений и, в частности, волеизъявления в отношении имущества, провинциальные дворянки старались заранее составить завещание с тем, чтобы успеть «насладиться» собственными распорядительными полномочиями и связанным с ними эмоциональным ресурсом, а в ряде случаев и возможностью заинтриговать близких и дальних родственников.

Не случайно, «учиняя», как гласила формула, «заблаговременно подоброй своей воле» духовное завещание, наследодательницы оставляли за собой право «оное завещание в чем либо переменить или же вовсе уничтожить», обретая редко выпадавшую им в течение предшествовавшей жизни возможность манипулировать другими людьми. Естественно, в силу различия душевных качеств, они по-разному воспринимали открывавшуюся перед ними «властную» перспективу.

Специально исследованы специфические, преобладающие дискурсы женской переписки заключительного «возраста жизни» – дискурс ограниченности возможностей, дискурсы телесных недостатков и болезни. Установлено, что конфликт субъективного самоощущения и формального самовосприятия свидетельствует об усвоении пожилыми дворянками гендерных представлений, согласно которым поведение индивида

---

⁷⁵ Белова А.В. «Снова принимаешь вид старухи»: восприятие старости русскими дворянками (XVIII – середина XIX вв.). / А.В. Белова. // Новый исторический вестник, 2009. – № 21. – С. 14.

детерминировано полом и возрастом и, в силу этого, всегда должно оставаться «подобающим» им⁷⁶.

На протяжении значительной части XVIII века во многих – особенно провинциальных – дворянских семьях продолжали следовать старинной русской традиции послеобеденного сна, но к началу XIX столетия она по большей части вывелась. Более того, к середине XIX века многие медики были решительно убеждены во вреде дневного сна даже для довольно маленьких детей.

Врачи советовали «не позволять детям спать ни одной минуты днем, иначе, по их словам, они могут сделаться слабосильными, лентяями и тупицами, даже цинготными детьми». Для возбуждения же их деятельности иные из медиков рекомендовали «держат их в страхе – розгами, находя весьма успешным посекать детей и за шалости, и за малоуспешность».

В женской автодокументальной традиции «старость» становилась элементом личностной характеристики индивидов как женского, так и мужского пола. Женщина в возрасте 60-ти лет безапелляционно считалась «старой» или «старухой», ее личностная характеристика практически исчерпывалась возрастными изменениями телесности, стремление же к поддержанию внешней привлекательности за такой женщиной не признавалось и осуждалось.

Старости в той или иной степени было присуще ретроспективное мышление: устремленность не «вперед», в будущее, а, наоборот, «назад», в прошлое. Исследователь Е.А. Сабанеева замечала: «...Настала старость с ее недугами, тоскою и утратами, а мысль, стремясь в прошедшее, роется в нем...»⁷⁷. Отсюда – нацеленность пожилых дворянок на процесс вспоминания собственной прожитой жизни.

---

⁷⁶ Белова А.В. указ. соч.– С. 17.

⁷⁷ Терещенко А.А. Социально-экономическое развитие провинциального города Центрального Черноземья во второй половине XIX– начале XX века... – С. 150.

Мотивация более частого, по сравнению с мужчинами, отказа женщин от новых матримониальных отношений заключалась в следующем:

- представление о религиозном благочестии, в соответствии с которым вдовство для женщины предпочтительнее повторного вступления в брак;
- высокая ценность материнства, особенно при наличии единственного ребенка;
- сохранявшаяся эмоциональная привязанность, любовь к первому мужу;
- нежелание терять обретенную самостоятельность и экономическую независимость;

отсутствие предложений о браке ввиду, напротив, материальной (в меньшей степени внешней) непривлекательности вдовы⁷⁸.

«Осознание себя после 50-ти женщиной «в годах», тяготящейся любыми проявлениями жизненной мобильности, необходимостью соблюдения социального этикета и поддержания светской коммуникации, противопоставляемой «спокойствию» как идеальному состоянию, не исключает однако и определенного позерства. Стратегия позиционирования дворянкой себя в качестве «уставшей от света» являлась не атрибутом возраста, а способом легитимации своей причастности к известному социальному кругу.

Старости в той или иной степени было присуще ретроспективное мышление: устремленность не «вперед», в будущее, а, наоборот, «назад», в прошлое. При этом нежелание образованных дворянок бесследно «кануть в небытие» побуждало многих из них «по себе оставить на память журнал».

«Обращение в слова» и запись тяжелых переживаний из собственной жизни, плохих воспоминаний, которыми, за редким исключением, наполнены мемуары российских дворянок начала – середины XIX века, было

---

⁷⁸ Веретенко В.А. Дворянская семья в отечественной историографии второй половины XIX – начала XX века. / В.А. Веретенко. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – СПб., 2008. – № 1. – С. 119.

способом избавиться от них, «отложить» их, отодвинув от себя. А хорошие воспоминания, поддерживаемые женской памятью, напротив, возрождали и помогали поддерживать ощущение счастья»⁷⁹.

Конструирование текстов воспоминаний на склоне лет как субъективные попытки отстранения пережитой боли и душевных страданий и одновременного прорыва к внутренним источникам счастья свидетельствует о наибольшей востребованности скрытых эмоциональных ресурсов женской личности для нее самой именно в этом возрасте. И вместе с тем – о наличии достаточного количества разнообразных жизненных опытов, позволявших иначе (менее травматично) осмыслять и истолковывать свое прошлое.

Подлежавшие записи и прочтению посторонними воспоминания в любом случае были селективными и могли соотноситься не только с внутренним образом себя, но и с образом, моделируемым для внешнего восприятия.

Сбережение к преклонному возрасту не только конструктивных возможностей памяти, а вообще личностных дарований особо подчеркивалась мемуаристками, очевидно, как явление необычное, вызывавшее удивление. При этом Курская графиня В.Н. Головина поражалась: «Я никогда не видала старика более веселого и заслуживающего уважения. До восьмидесяти четырех лет он полностью сохранил все свои способности»⁸⁰.

Одним из следствий многолетнего, иногда многодесятилетнего (особая категория «молодых вдов»), вдовства становилась особая сосредоточенность дворянок на материнстве и материнских обязанностях. Социальные роли хозяйки-распорядительницы поместья и матери-устроительницы – единственно доступные и, в следствие этого, основополагающие,

---

⁷⁹ Белова А.В. «Снова принимаешь вид старухи»: восприятие старости русскими дворянками (XVIII – середина XIX вв.)... С. 19.

⁸⁰ Головина В.Н. Мемуары. / В.Н. Головина. – М., 2005. – С. 287.

определявшие повседневную жизнь способы социальной реализации пожилых провинциальных дворянок.

Так, «структура повседневности» провинциальной дворянки-вдовы определялись следующими ценностными приоритетами:

1) религиозное благочестие (исповедование православия, упование на Бога, на милость и помощь Божию, молитва, достойное проведение праздников, дела милосердия);

2) попечение о детях (воспитание, забота, нравственное назидание, соблюдение их имущественных интересов);

3) разносторонняя экономическая деятельность (организация хозяйства в имении, винокурение, питейные сборы);

4) реализация юридической правоспособности (подача прошений, взятие на себя обязательств, закладывание имений);

5) моральный этнос (любовь к ближним, самоотвержение, добросердечие, милосердие, рачительность как следствие знания о нуждающихся);

6) пространственно-культурный кругозор (динамика «провинция – столица», «религиозный – светский»)⁸¹.

Послебрачный период мог составлять существенную часть в жизненном цикле дворянок, в значительной мере совпадая с возрастом «старости» и характеризуясь такими чертами как повышенная предпринимательская активность и деятельный ресурс материнства. Причем материнство в этот период становилось смыслообразующим фактором экономического, культурного и социального аспектов повседневной жизни дворянской женщины.

В определенной психологической зависимости от пожилой «маминьки» часто находился даже не сын, а зять, не говоря уже о дочери, что подтверждает сохранение патриархальных устоев в провинциальных

---

⁸¹ Жизнь русского дворянства в 19 веке: повседневность и праздник. – URL: http://www.liveinternet.ru/users/aramill_stells/post385817954 (дата обращения: 15.03.2017).

дворянских семьях и присущего любому традиционному обществу подчеркнутого уважения к старшим. На этом зачастую базировался практиковавшийся в среде дворянства эмоциональный диктат пожилых матерей в отношении более молодых домочадцев, которые ему практически не сопротивлялись ввиду стереотипов подчинения и необходимости признания авторитета родительницы.

Женское восприятие старости было сопряжено со страхом угасания жизни, запечатленного в визуальных антропологических признаках старения. Канадский историк и писатель русского дворянского происхождения М. Игнатъев, восстанавливая историю своих предков, приводил слова из мемуаров прабабушки, графини Наталии Николаевны Игнатъевой, урожденной княжны Мещерской (1877–1944): «Спустя много лет Наташа писала: «Теперь, когда я сама стала старой, мне кажется, что старости я боялась с детских лет, что старые люди всегда производили на меня тягостное впечатление. Кажется, это так грустно, отмечать перемены, происходящие с близкими и дорогими людьми.

И даже теперь, когда я сама состарилась, я чувствую, что никогда не смогу преодолеть чувство благоговейного трепета и ужаса перед старостью». Наташе было шестьдесят пять, когда, мысленно возвращаясь в то далекое время и вспоминая, как на глазах осиротевшей дочери ее мать сгибалась под бременем обрушившегося на нее горя, она писала эти строки»⁸².

Наличие же различий между провинциальными и столичными дворянками не отменяет черт сходства между ними в том, что касается их антропологической сущности. Поэтому целесообразным и эффективным становится исследование женской дворянской повседневности посредством анализа структурообразующей категории возраста. Именно возрастные особенности являлись важнейшим фактором организации и дифференциации

---

⁸² Жизнь русского дворянства в 19 веке: повседневность и праздник. – URL: http://www.liveinternet.ru/users/aramill_stells/post385817954 (дата обращения: 15.03.2017).

повседневной жизни провинциальных дворянок, определяли их поведение и мировосприятие.

Так или иначе, «старость» описывалась в дискурсах телесных недостатков (глухота) и болезни, которые иллюстрировали ограниченность физических (пониженный слух) и социальных (отсутствие мобильности) возможностей и ассоциировались, собственно, с «женским» и «возрастным». Однако их негативные интонации смягчались положительной характеристикой пожилой дворянки (гуманность, достоинство, репутация, мужество, а так же публичное оказание знаков уважения, изъявление почтения).

Те из дворянок, которые в «зрелом» возрасте бывали при дворе и вели светский столичный образ жизни, отойдя от него в старости и окунувшись в провинциальную помещичью повседневность, продолжали осознавать себя выделяющимися из социокультурного окружения. И это давало им внутренний повод к особой манере поведения в собственном домашнем пространстве.

При этом у женщин преклонного возраста постепенно изменяется мотивационная сфера, и немаловажным фактором здесь является отсутствие необходимости ежедневно трудиться, выполнять принятые на себя обязательства. При этом ведущими потребностями в пожилом и старческом возрасте становятся телесные потребности, потребность в безопасности и надежности⁸³.

Многие старые люди начинают жить «одним днем», наполняя каждый такой день простыми заботами о здоровье и поддержании жизнедеятельности и минимального комфорта. Даже простые домашние хлопоты и несложные проблемы становятся значимыми для сохранения ощущения занятости, необходимости что-то делать, быть нужным себе и другим.

---

⁸³ Авилова Н.Л. указ. соч...С.128.

Дворянство, лидирующее на протяжении XVIII – начале XIX века, постепенно, после отмены крепостного права, лишалось всех своих исключительных прав. Владение крестьянами – та основная привилегия, возвышавшая сословие над остальным обществом, после реформы 1861 года явилась главной причиной упадка дворянского статуса. Зависящее от земли и крестьян сословие не смогло адаптироваться к новому устройству даже при содействии правительства⁸⁴.

Старикам в большей степени, чем лицам других возрастов, свойственно воспитание на собственном обобщенном опыте, на примере личной жизни. Это стремление «оставить след» в жизни реализуется в воспитании детей и внуков или в стремлении иметь учеников и последователей (стариков часто тянет к молодым людям), способных учесть ошибки и достижения уже прожитой жизни.

Так же осознание старости как времени утрат, переживания смерти близких и череды болезней, одиночество и однообразие вели к тому что, старость воспринималась самими «женщинами в годах» и «старухами» как своего рода безвременье, как период максимального расхождения желаемого с действительным.

Показательно, что сама «любезная и почтенная старушка» воспринимала высокое служебное назначение сына как «заботу о старости», необходимость которой априори ею подразумевалась и составляла один из элементов конструирования идентичности, связанный с осознанием и принятием мысли о своей возрастной немощности. Усвоение данной установки на индивидуальном уровне, в известном смысле, вводило старость провинциальных дворянок в дисциплинарные рамки, которые задавались культурой⁸⁵.

---

⁸⁴ Шевнина О.Е. Провинциальное дворянство как объект государственно-правового регулирования (вторая половина XIX века). / О.Е. Шевнина. // Вестник Пензенского государственного университета, 2013. – № 1 – С. 44.

⁸⁵ Принципы воспитания русского дворянства в XVIII-XIX веках. – URL: <http://tfolk.ru/2015/11/12/> (дата обращения: 22.03.2017).

3.3. Положение провинциальных дворянок в семье с наступлением старости

Дворянство на протяжении XIX века было наиболее грамотным, образованным и культурным сословием в России. Однако, несмотря на привилегированность своего положения в XIX веке дворянство не было однородным ни по происхождению, ни по имущественному положению, ни по культурным потребностям.

Провинциальное дворянство, жившее в поместьях и занимавшееся хозяйством, составляли большую часть своего сословия. Их бытовой уклад, естественно, сильно отличался от жизни столичных жителей, был непритязательнее, однообразнее, патриархальнее. По существу, жизнь большинства таких помещиков являлась сочетанием европейских форм с приметами «миллой старины».

Для провинциального дворянства характерно особое восприятие времени, отсчет которого происходил в соответствии с событиями, протекавшими в семье: рождение, свадьба, похороны. Вся жизнь дворянской семьи определялась обычаем, который без существенных изменений переходил из поколения в поколение⁸⁶.

Положение провинциальных дворянок в семье с наступлением старости в 50-90-х годах XIX века имело свои характерные черты.

Так, статус женщины-дворянки в этом возрасте имел следующие особенности:

- главный принцип брака – это служение мужу до конца его дней. Однако в нравственном отношении жена была равней мужу, и он обязан был любить её до старости.

На практике же, даже если муж не любил жену и плохо обращался с ней, у неё не было средств сопротивляться его власти. Попросту

---

⁸⁶ Охлябинин С. Повседневная жизнь русской усадьбы XIX века. / С. Охлябинин. – М., 2006. – С. 165.

апеллировать было некуда и некому. Поэтому браки дворян очень редко распадались и длились до самой старости супругов;

- в старости женщина становилась как бы «асексуальной» личностью, больше не скованной женской ролью и стандартами поведения. Особенно это относилось к вдовам, какие могли унаследовать после мужа статус главы семьи и вполне мужские хлопоты, и критерии поведения (хлопоты за сыновьями, благосостоянием дома и т.д.).

Чаще, однако, роль главы семейства переходила к старшему сыну. В таком случае женщина-вдова часто удовлетворялась символической ролью главы семьи – сын во всём спрашивал её совет, но при этом поступал все время по-своему, невзирая на внешние знаки почтения;

- быт пожилой дворянки, как и быт любого другого человека, определялся не только историческим временем, но и принадлежностью к данному сословию и обществу. Немногие дворянки принадлежали к высшему обществу – это зависело от многих причин, в том числе и от материального состояния дворянской семьи;

- многие пожилые женщины-дворянки могли себе позволить путешествия за границу, и не только на лечение, а просто посмотреть мир;

- старые женщины-дворянки всячески старались поддержать своих детей, советом, наставлением, утешить в тяжёлую минуту, и всё женское было им не чуждо, хотя вели они себя очень сдержанно, из-за старомодного воспитания, из-за своего преклонного возраста, утраченного здоровья, и т.д..

При этом весь уклад жизни в усадьбе рядового помещика Центрального Черноземья обычно подчинялся определенной регламентации. С раннего утра до обеда дворянка была занята хозяйством, различными домашними делами ⁸⁷.

Домашняя работа хозяйки, как правило, складывалась из различных дел по поддержанию чистоты в доме, приготовления пищи, организации и

---

⁸⁷ Травина А.С. Судьба культурных ценностей усадьбы Марьино. А.С. Травина. // События и люди в документах Курских архивов. – Курск, 2002. – С. 48.

руководства женскими рукоделами. А после обеда и до ужина – было время отдыха и других занятий.

Значительное число среднепоместных, но более всего мелкопоместных усадеб представляли собой замкнутый мир, который нередко оборачивался своими отрицательными сторонами. Досуг здесь чаще всего заполнялся пустыми разговорами, игрой в карты или просто «ничегонеделанием». Правда, в отдельных случаях, представители низших подгрупп мелкопоместного дворянства большую часть времени проводили, как и крестьяне, за сохой и их быт ничем не отличался от крестьянского⁸⁸.

Изучение разнообразных аспектов повседневной жизни российских дворянок позволяет понять, как «рядовые» индивиды женского пола проживали и переживали изо дня в день наиболее привычные, казалось бы ничем не примечательные, жизненные реалии, каким было самоощущение дворянской женщины на разных этапах жизненного цикла. В конечном счете, это приводит к непосредственному пониманию человека в истории, причем с учетом гендерных и этнических различий, что актуально как для социальной и культурной антропологии русских, в том числе в историческом аспекте, так и для социальной истории России в целом.

Провинциальная жизнь дворянства резко отличалась от столичной. Здесь был более простой образ жизни. Считалось, что в провинции жить скучно, и большинство дворян стремилось уехать в столицу. Особенно, если в семье подрастали дети, которых нужно было вывозить в свет. Здесь четко проявлялась граница, разница между провинцией и столицей. Это замечалось в оборотах речи, в манерах, в одежде. Среднее дворянство жило летом обычно в деревне, а зимой, если не было возможности жить в столице, жило

---

⁸⁸ Шевнина О.Е. Провинциальное дворянство как объект государственно-правового регулирования (вторая половина XIX века). / О.Е. Шевнина. // Вестник Пензенского государственного университета, 2013. – № 1 – С. 43.

в уездных или губернских городах. В деревне дворяне жили в своих усадьбах.

Бытовую культуру усадьбы невозможно представить без сферы социального общения. Но, жизнь провинциальных дворянок в старости в аграрных районах Российской империи, куда относили Курскую губернию, была уединенной, удаленной от светского шума, однообразной. Поэтому именно общение с соседями, родственниками и друзьями часто вносило разнообразие в монотонный распорядок дня сельской помещицы.

Вместе с тем следует отметить, что не все дворяне охотно разъезжали по гостям или встречали их у себя. Были и такие, как курская помещица Блажевиц, о какой говорили, что она нелюдима, ни к кому сама не ездит, никого к себе не приглашает. Гости в сельские усадьбы приезжали не на один день, обычно их визиты затягивались на неделю и более.

Однако в Курской губернии представители дворянства обыкновенно приглашали гостей не на несколько часов, а на несколько дней, в течение которых гостей кормили, забавляли, укладывали спать, пробуждали и опять кормили и забавляли, главным образом охотой⁸⁹.

Источники свидетельствуют, что взаимодействие с крестьянами раскрывало как самые высокие качества обитателей господского дома – сострадательность, благотворительность, стремление к просветительству, так и самые низкие. В отношении злоупотреблений помещичьей властью, необходимо отметить, что они были следствием самой сущности крепостного права, неопределенности и неточности регулировавших его законов. Нередко также сказывалось и господствующее насилие, и низкий уровень образования дворянства, и как следствие невысокая степень нравственного развития.

Неповторим был уклад жизни дворянской усадьбы, где переплетались наслаждение прелестью русской природы и хозяйственные заботы, эстетические удовольствия и интеллектуальные занятия, многолюдные

---

⁸⁹ Травина А.С. Судьба культурных ценностей усадьбы Марьино. А.С. Травина. // События и люди в документах Курских архивов. – Курск, 2002. – С. 49.

празднества и тесное семейное общение. Повседневность обитателей усадеб составляли унылые однообразные будни и шумные праздники приезда гостей. Для одних такие приемы были обязательным пышным, но формальным ритуалом, для других — поводом для дружеского и творческого общения.

Несомненно, было и то, что злоупотребления помещиков были значительны и составляли обыденное явление. Как следует из источников, по всей Курской губернии ходила молва о помещице О. К. Брискорн, которая жестоко обращалась с крепостными, в результате чего последние сотнями погибали от непосильного труда. Например, в воспоминаниях самих крестьян упоминалось: «...принимаемся за работу вместе с рассветом... летом до самых потемок, а весной и зимой до десяти часов без всякого отдыха»⁹⁰.

Бытовой уклад провинциальных дворянок зависел от материального положения, отличался от жизни дворян, которые жили в столичных городах. Жизнь в среднепоместных и особенно в мелкопоместных усадьбах во многом подчинялась сменам времен года и пестрой череде радостных и печальных событий уклада деревенской жизни: крестин, именин, семейных праздников, шумных обедов, родственных съездов.

Подрастали дети, их женили, появлялось новое поколение, и жизненный цикл повторялся, те же обряды, пиры, свадьбы, праздники. Культура повседневности провинциального дворянства, вмещающая в себя самые различные формы быта и мышления, весь стиль деревенской жизни, во многом формировалась и шлифовалась в усадьбе.

Безусловно, жизнь престарелых провинциальных дворянок данного периода была подчинена определенным уставам, в которых она и протекала. Повседневный быт оказывает огромное влияние на другие области социальной жизни и на труд, настроение и поведение дворянок.

---

⁹⁰ Низовский А.Ю. Самые знаменитые усадьбы России. / А.Ю. Низовский. – М., 2001. – С. 130

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Антропология женской дворянской старости – новая тема в российской историографии, позволяющая активизировать ранее невостребованный потенциал всей совокупности источников личного происхождения: писем, мемуаров, автобиографий, дневников, оставленных образованными дворянками и отражающих многообразный спектр их субъективного мировосприятия, жизненных опытов и практик. «Проговаривание» себя стало для большинства из них единственно доступной формой компенсации исключенности из публичного пространства и отсутствия официально признаваемых возможностей для социальной реализации.

Восприятию российских дворянок середины-конца XIX века старость как возраст жизни, помимо полноты самоощущения и исполненности индивидуального проекта («лета», «век»), – нисходящая фаза жизненного цикла («склон лет»). Объективное возрастание с годами, как в любом традиционном обществе, социальных потенций и амбиций субъективно снижалось осознанием собственной физической беспомощности, асоциальности, психологического бессилия в осуществлении желаний.

Будучи временем эмоционального подведения итогов, возраст старости предполагал компенсацию событийной разреженности настоящего ретроспективным обращением к насыщенному опытами и переживаниями прошлому. При этом повседневность пожилых провинциалок отличалась большой хозяйственной занятостью и интенсивностью распорядительной деятельности, вплоть до деспотизма по отношению к многочисленным домочадцам обоего пола.

Осознание старости как времени утрат, переживания смерти близких и череды болезней, одиночество и однообразие вели к тому что, старость воспринималась самими «старухами» как своего рода безвременье, как период максимального расхождения желаемого с действительным.

Показательно, что сама «любезная и почтенная старушка» воспринимала высокое служебное назначение сына как «заботу о старости», необходимость которой априори ею подразумевалась и составляла один из элементов конструирования идентичности, связанный с осознанием и принятием мысли о своей возрастной немощности. Усвоение данной установки на индивидуальном уровне, в известном смысле, вводило старость в задаваемые культурой дисциплинарные рамки.

Осознание себя после 50-ти женщиной «в годах», тяготящейся любыми проявлениями жизненной мобильности, необходимостью соблюдения социального этикета и поддержания светской коммуникации, противопоставляемой «спокойствию» как идеальному состоянию, не исключает однако и определенного позерства. Стратегия позиционирования дворянкой себя в качестве «уставшей от света» являлась не атрибутом возраста, а способом легитимации своей причастности к известному социальному кругу⁹¹.

Те из дворянок, которые в «зрелом» возрасте бывали при дворе и вели светский столичный образ жизни, отойдя от него в старости и окунувшись в провинциальную помещичью повседневность, продолжали осознавать себя выделяющимися из социокультурного окружения. И это давало им внутренний повод к особой манере поведения в собственном домашнем пространстве.

Безусловно, жизнь престарелых провинциальных дворянок данного периода была подчинена определенным уставам, в которых она и протекала. Повседневный быт оказывает огромное влияние на другие области социальной жизни и, прежде всего на труд, настроение и поведение дворянок.

---

⁹¹ Белова А.В. «Снова принимаешь вид старухи»: восприятие старости русскими дворянками (XVIII – середина XIX вв.). / А.В. Белова. // Новый исторический вестник, 2009. – № 21. – С. 14.

Исследование женской переписки заключительного «возраста жизни», в которых представлено описание ограниченности возможностей, дискурсы телесных недостатков и болезни свидетельствует о том, что «старость» становилась элементом личностной характеристики индивидов как женского, так и мужского пола. Женщина в возрасте 60-ти лет безапелляционно считалась «старой» или «старухой», ее личностная характеристика практически исчерпывалась возрастными изменениями телесности, стремление же к поддержанию внешней привлекательности за такой женщиной не признавалось и осуждалось.

Не смотря на многообразие источников личного происхождения: мемуаров, писем, дневников, на сегодняшний день положение женщин-дворянок 50-х-90-х годов XIX века в семье с наступлением старости практически не исследовано. Образ престарелой дворянки не популярен и среди писателей этого периода. В основном в произведениях российский писателей подробно описывается образ пожилого дворянина. Рассказывается о его имущественном положении, месте в семье и обществе. Описание женщин-дворянок представлено в большей степени для дополнения общей картины быта или усадебной культуры.

Таким образом, можно утверждать, что это расширяет возможности дальнейшей работы в области изучения женской старости дворянского сословия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

І. Источники

Неопубликованные источники

1. ГАБО. Ф.141. И.В.Старова.
2. ГАБО. Ф. 148. Оп. 1.Д. 10.
3. ГАБО. Ф.156. И.А.Григорьева.
4. ГАВО. Ф.29. Оп. 1.Д. 757.
5. ГАВО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 829а.
6. ГАВО. Ф. И-64. Директор народных училищ.
7. ГАВО. Ф.29. Оп. 1.Д. 757.
8. ГАКО. Ф.1540. Директор народных училищ Курской губернии Харьковского учебного округа.
9. ГАКО. Ф.341. Помещики и высшие чиновники Курской губернии.
10. ГАТО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 2. Л 149об.
11. ГАТО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 2. Л. 147.

Опубликованные источники

1. Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева министра внутренних дел. Том I. 1861-1864 гг. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1961. С. – 224.
2. Волконская, М.Н. Записки М.Н. Волконкой / Предисл. М. Сергеева. Примеч. Б.Г. Кокошко. – М.: «Молодая гвардия», 1977. - 96 с.
3. Головина, В.Н. Мемуары. / В.Н. Головина. – М.: АСТ: Астрель: Люкс, 2005. – 402 с.
4. Дашкова, Е.Р. Записки 1743-1810. / Подгот. текста, ст. и комент. Г.Н. Моисеевой; Отв. ред. Ю.В. Стенник. – Л.: 1985. – 288 с.
5. Николева, М.С. Воспоминания Марии Сергеевны Николевой. / М.С. Николаева. // Русский архив, 1893. – Кн. 3. Вып. 10. – С. 150–151.

6. Терпигорев, С.Н. Оскудение. Очерки помещичьего разорения. СПб.: Б. издат. – 1881.

7. Хилкова, Е.Г. Воспоминание об императрице Марии Феодоровне [Электронный ресурс] / Воспоминание об императрице Марии Феодоровне - URL: <https://memoirs.ru/texts/Hilkova.htm>.

II. Художественная литература

1. Некрасов, Н. А. Кому на Руси жить хорошо / Н.А. Некрасов. – М., Школьная библиотека. - 1982. С. – 124.

2. Толстой, Л.Н. Анна Каренина / Л.Н. Толстой. – М., Вече, 2016. С. – 5.

3. Тургенев, И.С. Отцы и дети / И.С. Тургенев. – М., Гостехиздат, 2008. - 286 с.

III. Литература

1. Авилова, Н.Л. Провинциальная дворянская усадьба как уникальное явление российской истории и культуры. / Н.Л. Авилова. // Известия государственного технического университета, 2005. – № 1. – С.126–128.

2. Баринаова, Е.П. Дворянство России второй половины XIX – начала XX века: современная историография. / Е.П. Баринаова. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 16, 2014. – №3(2). – С. 548 – 557.

3. Беккер, С. Миф о русском дворянстве: дворянство и привилегии последнего периода императорской России. / Пер. с англ. Б. Пинскера. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 344 с.

4. Белова, А.В. «Снова принимаешь вид старухи»: восприятие старости русскими дворянками (XVIII – середина XIX вв.). / А.В. Белова. // Новый исторический вестник, 2009. – № 21. – С. 11–25.
5. Быт и нравы дворян в XIX веке [Электронный ресурс] / Быт и нравы дворян в XIX веке. – URL: <http://mirznanii.com/a/336213/byt-i-nravy-dvoryan-v-xix-veke>.
6. Веретенко, В.А. Дворяне-супруги во второй половине XIX – начале XX века: внутрисемейное распределение обязанностей. В.А. Веретенко. // Под сенью Чесменского дворца: Россия в XVIII – начале XXI века: матер. Всерос. науч. конф. СПб., 27–29 ноября 2012 года. / Отв. ред. И.А. Тропов. – СПб., 2012. – С. 109–116.
7. Веретенко, В.А. Дворянская прислуга в дворянских семьях России в II половине XIX – начале XX века. / В.А. Веретенко. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, 2013. – № 1. – Т.4. – С. 181–191.
8. Веретенко, В.А. Дворянская семья в отечественной историографии второй половины XIX – начала XX века. / В.А. Веретенко. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – СПб., 2008. – № 1. – С. 116–120.
9. Глинский, Б. Из летописи усадьбы Сергеевки //Исторический вестник. – 1894. – Т.58. – №10. – С.57-85
10. Горбунов, К.Е., Симбирские гражданские губернаторы: Материалы к историко-биографическим очеркам / К.Е. Горбунов, И.Э Сивопляс. – Ульяновск: ИПКПРО, 2003. – С. 95–99.
11. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI-XX вв. Исторические очерки /Л.В.Иванова, Я.В.Водарский, Э.Г.Истомина и др. – М., 2001. – 322 с.

12. Дворянская семья в светском обществе [Электронный ресурс] / Дворянская семья в светском обществе. – URL: <http://lady.webnice.ru/blogs/?v=11171>

13. Демина, Г.В. Мир дворянской усадьбы как зеркало жизни общества. / Г.В. Демина. // Вестник Московского университета Серия 8. История, 1996. – №6. – С.4–23.

14. Досуг аристократии [Электронный ресурс] / Досуг аристократии. – URL: <http://tainipeterburga19.rolka.su/viewtopic.php>.

15. Жизнь в свете, дома и при дворе. Правила этикета, предназначенные для высших слоев российского общества конца XIX века. Изд.5 – М, 2007 – 295 с.

16. Жизнь русского дворянства в 19 веке: повседневность и праздник [Электронный ресурс] / Жизнь русского дворянства в 19 веке: повседневность и праздник. – URL: http://www.liveinternet.ru/users/aramill_stells/post385817954.

17. Зуев, М.Н. История России. / М. Н. Зуев. – М: Высшее образование, 2008. – 438 с.

18. Игнатъев, М. Русский альбом: Семейная хроника. Пер. с англ. / М. Игнатъев. - СПб., Изд-во «Журнал «Нева», 1996. С. 32–33.

19. Иерусалимский, Ю.Ю. Современная отечественная литература о российском дворянстве XIX – начала XX в.: региональный аспект. / Ю.Ю. Иерусалимский, Н.К. Леднева. // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки, 2013. – №1. – С.23–28.

20. Из истории Курского края. Сборник документов и материалов. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1965. – С. 201, 202,223,224,228,230.

21. Именной указ Екатерины II «Об учреждении Курской губернии» от 23 мая 1779 г. ПСЗРИ, т. XX, ст. 14880, стр. 825—826.

22. Именной указ Павла I «О сроках разбора и сдачи дел присутственных мест, упраздненных по случаю нового образования губерний» от 22 декабря 1796 г. ПСЗРИ, т. XXIV, ст. 17677, стр. 249.
23. Именной указ Павла I «Штаты губерний» от 31 декабря 1796 г. ПСЗРИ, т. XXIV, ст. 17702, стр. 259
24. Истомина, И.В. Мелкопоместное дворянство Европейской России в 50-90-е гг. XIX века (по материалам центрально-черноземных губерний): монография / И.В. Истомина. – Белгород.: ЭПИЦЕНТР, 2016. – 172 с.
25. История России с начала XVIII до конца XIX века. / Отв. ред. А.Н. Сахаров. – М., ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. – 544 с.
26. Карпинская, Ю.Н. Из семейной хроники //Исторический вестник. – 1897. – Т.70. – №12. – С.853-870
27. Кирсанова, Р.М. Русский костюм и быт XVIII – XIX веков. / Р.М. Кирсанова. – М., СЛОВО, 2002. – 335 с.
28. Ключевский, В.О. Литературные портреты. / В.О. Ключевский. - М.: Современник, 1991. - С – 283-284
29. Ковалева, Т.В. История сельской дворянской усадьбы в губерниях Центрального Черноземья (вторая половина XVIII – начало XX вв.). / Т.В. Ковалева. – Автореф. дис. ... канд.ист.наук. – Курск, 2004. – 28 с.
30. Коншина, Л. Дворянство в России в начале 20 века. – URL: <http://www.proza.ru/2016/09/17/486>
31. Корелин, А.П. Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг. – М., 1979. – 383 с.
32. Кром, М.М. Повседневность как предмет исторического исследования. / М.М. Кромм. // История повседневности: Сборник научных работ. – СПб., 2003. – С.7–14.
33. Кулабухов, В.С. Эволюция менталитета дворянства Черноземного региона в пореформенный период. / Автореф. дис. канд.ист.наук. – М., 1997. – 20 с.

34. Лаврентьева, Е.В. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. / Е.В. Лаврентьева. // Этикет. – М., 2005. – 176 с.
35. Ливен, Д. Аристократия в Европе. 1815-1914. / Д. Ливен. – СПб, 2000. – 267 с.
36. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начала XXв.). / Б.Н. Миронов. – СПб., 2003. – 439 с.
37. Муханова, М.Г. Провинциальное дворянство в городских центрах Курской губернии во второй половине XIX века. / М.Г. Муханова; Курский государственный университет. // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика, 2007. – №4(35). – Вып. 3. – С. 96–102
38. Михневич, В.О. Русская женщина XVIII столетия [Электронный ресурс] / Репринт, воспр. изд. 1895 г. М., 1990. С. 214, 221,224. Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. – URL: <http://www.dissercat.com/content/povsednevnyaya-zhizn-provintsialnoi-dvoryanki-tsentralnoi-rossii#ixzz4i8YWmzxs>
39. Низовский, А.Ю. Самые знаменитые усадьбы России. / А.Ю. Низовский. – М., 2001. – 238 с.
40. Нардова, В.А. Городское самоуправление в России в 60-х-начале 90-х годов XIX в. — Л., Наука, 1944. С - 158.
41. Оболенский, Л.Е. Картинки прошлого. II. //Исторический вестник. – 1906. – Т.106. – №10. – С.105-142.
42. Овсянников, Ю.М. Картины русского быта: Стили, нравы, этикет. / Ю.М. Овсянников. – М., 2000. – 377 с.
43. Оноприенко, И.Г. Быт провинциального дворянства в 50-90-е годы XIX века на примере Центрального Черноземья. / И.Г. Оноприенко. – Воронеж, 2007. – 210 с.
44. Оноприенко, И.Г. Изменение социально-экономического статуса дворянского сословия в пореформенный период (на примере Центрального Черноземья). / И.Г.Оноприенко // Научные ведомости Белгородского

государственного университета. Серия «История. Политология. Экономика».
/ Отв. ред. В.А.Шаповалов. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – №1 (32). –
С.63–66.

45. Охлябинин, С. Повседневная жизнь русской усадьбы XIX века.
/ С. Охлябинин. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 276 с.

46. Пазухин, А.Д. Современное состояние России и сословный
вопрос. / А.Д. Пазухин. - М.: Университетская типография (М.Катков),
1886. - С. – 48

47. Парфирьев, Д.С. Дворянство в России. – URL:
http://w.histrf.ru/articles/article/show/dvorianstvo_v_rossii

48. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897г. -
Т. 20. Курская губерния /Под ред. Н. А. Тройницкаго. - Курск, 1904. – 320 с.

49. Правовое положение дворянства как привилегированного сословия
[Электронный ресурс] / Правовое положение дворянства как
привилегированного сословия. –URL: <http://www.center-bereg.ru/479.html>.

50. Принципы воспитания русского дворянства в XVIII-XIX веках. –
URL: <http://tfolk.ru/2015/11/12/>

51. Пронина, Т.Д. История развития провинциальной культуры
Центрального Черноземья на рубеже XIX-XX вв. / Т.Д. Пронина. – Автореф.
дис. канд.ист.наук. – Курск, 1999. – 26 с.

52. Развитие промышленности Курского края с конца XVII века до
1861 года. ... (Из истории возникновения и развития свеклосахарной
промышленности Курского края 1816—1890 гг.). / Под ред. Л.М. Рянского.
— Курск, Изд-во КГПИ, 1991.-С. – 33-34

53. Русская усадьба и ее судьбы. «Круглый стол». / И.М. Пушкарева.
//Отечественная история, 2002. – №5. – С.133–151.

54. Русские провинциальные усадьбы XVIII – начала XX века. / Сост.
Р.В.Андреева, Л.Ф.Попова. – Воронеж, 2001. – 188 с.

55. Рындзюнский, П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. (Взаимоотношение города и деревни в социально-экономическом строе России) / П.Г. Рындзюнский. — М.: Наука, 1983. — С. 186

56. Терещенко, А.А. Социально-экономическое развитие провинциального города Центрального Черноземья во второй половине XIX–начале XX века. – Курск, 2003. – 328 с.

57. Титова, А.Л. Сословная и профессиональная структура городского населения курской губернии в конце XIX – начале XX века. А.Л. Титова. // Серия История. Политология. Экономика. Информатика, 2013. – № 1 (144). Выпуск 25. – С. 109–115.

58. Травина, А.С. Судьба культурных ценностей усадьбы Марьино. А.С. Травина. // События и люди в документах Курских архивов. – Курск, 2002. – С.44–49.

59. Трансформация провинциальной повседневности в условиях модернизационного развития России во второй половине XIX - начале XX вв. : монография / НИУ БелГУ ; отв. ред. В.А. Шаповалов, И.Т. Шатохин ; рец.: В.Н. Фурсов, В.В. Пенской. - Белгород, 2011. – 320 с.

60. Холодова, Е.В. Загородное усадебное строительство Курской губернии 1861-1917 годов. / Е.В. Холодова. – Автореф. дис. ... канд. архитектуры. – М., 2005. – 26 с.

61. Чечулин, Н.Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века [Электронный ресурс] / Чечулин, Н.Д. – Электрон. дан. – URL: <http://www.runivers.ru/bookreader/book578252/-#page/2/mode/1up>.

62. Шаповалов, В.А. Дворянство Центрально-Черноземного региона России в пореформенный период. / В.А. Шаповалов. – Москва-Белгород, 2002. – 277 с.

63. Шатохина, С.Б. Женщины в общественной жизни российской провинции на рубеже XIX-XX веков (по материалам Курской губернии).

/ С.Б. Шатохина. // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика, 2008. – № 5 (45). – Том 3. – С. 91–95.

64. Шевнина, О.Е. Провинциальное дворянство как объект государственно-правового регулирования (вторая половина XIX века). / О.Е. Шевнина. // Вестник Пензенского государственного университета, 2013. – № 1 – С. 40–44.

65. Щепкина, Е.Н. Из истории женской личности в России / Е.Н. Щепкина / Сост. и общ. ред. В. Успенская. — Тверь: Феминист-Пресс, 2005. — 320 с.

66. Эволюция сословной структуры общества Центрального Черноземья в пореформенный период (на примере Курской губернии) / Под ред. В.А. Шаповалова. – Белгород, 2005. – 476 с.

67. Язвин, М.А. Очерки по истории здравоохранения Курской области: в 3 ч. Ч. 1. / М.А. Язвин. – Воронеж, 1965. – 277 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1.

Рис.1. Усадьба Б. Хлюстина
(с. Копёнки, Железногорский р-н (бывшая Орловская губерния))

Изначально усадьба принадлежала родителям морского офицера, профессора Бориса Хлюстина (1884-1949) - дворянам Павлу Ивановичу Хлюстину и Надежде Васильевне (урожд. Трубицыной).

Приложение 2.

Рис. 2. Усадьба И. Т. Викторова «Дворец для любимой»
(село Сафоновка Кореневского района)

В конце XIX века с. Сафоновка принадлежало землевладельцу и депутату Курского дворянского собрания Иосифу Тимофеевичу Викторovu.

Приложение 3.
Рис.3. Усадьба А А Фета
(Золотухинский р-н, н/п 1-я Воробьёвка (10 км от Свободы),
на берегу р. Тускарь)

Здесь в 1887 году, покинув Степановку в родном Мценском уезде Орловской губернии, поселился и прожил 15 лет известный русский поэт Афанасий Афанасьевич Фет. В 1877 году Афанасий Афанасьевич купил в Курской губернии имение у потомков генерала П.М.Ртищева в Воробьевке недалеко от Коренной пустыни, где и провел остаток своей жизни, лишь на зиму уезжая в Москву и приезжая в Воробьевку к началу марта. В усадьбе поэта часто гостили известные деятели русской культуры Л.Н.Толстой, П.И.Чайковский, В.Соловьев, Я.Полонский художники Досекины и др.

Приложение 4.

Рис. 4. Усадьба Нелидовых
(с. Моква Курский район)

На рубеже XVIII и XIX веков Моква стала собственностью Аркадия Ивановича Нелидова. На основе уже существующей дубравы был разбит английский парк, создана система прудов и построен дворец.

С конца XIX века и до 1917 года усадьба принадлежала племяннику А. А. Нелидова Петру Петровичу Волкову. Он содержал в Мокве земскую школу, где обучалось около 80 детей, также он превратил домашнюю Спасскую церковь в приходскую.